

Франция. 1917 г. Тайна старинной открытки

Людмила Дюбур

Эспер

Роман

18+

Людмила Дюбург
Эспер

«Автор»

2021

Дюбург Л.

Эспер / Л. Дюбург — «Автор», 2021

ISBN 978-5-532-97072-4

Людмила Дюбург пишет романы по старинным открыткам. Желая разгадать тайну одной из них, автор совершает увлекательное путешествие в прошлое. Франция, 1914-1930 гг., Париж, Западный фронт и затерянный в Атлантике остров д'Экс. Здесь, отрезанные от мира, находятся в заточении солдаты императорской армии России. Кто они, как сюда попали? Что их ждет? Два главных персонажа книги — Дмитрий Орлов и Эспер Якушев. Оба оказались во Франции, у обоих будут свои жизненные повороты, своя любовная история, судьбы того и другого пересекутся не один раз, чтобы расстаться и встретиться через сто лет! На фоне исторических декораций развивается сюжет, по ходу которого читатель не только открывает почти неизвестные факты истории, но и проникается симпатией к героям, сопереживая им и сострадая. Автор ставит вечные темы: человек и власть, честь, бесчестье и, наконец, любовь — как великая ценность. Чтение романа доставит эмоциональное удовольствие и вызовет интеллектуальный интерес.

ISBN 978-5-532-97072-4

© Дюбург Л., 2021

© Автор, 2021

Содержание

Предисловие	6
Часть первая. «Мой обожаемый волчонок...»	8
Глава 1. Мезон-Лаффит	10
Глава 2. Хроника. «Отче наш, иже еси...»	18
Глава 3. Весна 1917 года. Майи – Реймс – Париж. Эвакуация	22
Глава 4. «Однажды мы встретимся, чтобы...»	30
Глава 5. Мартина	34
Часть вторая. Остров Д'Экс. Заточение	48
Глава 1. Венера Арльская	49
Глава 2. Мадлен	55
Глава 3. Месть Франсуа Льедо	64
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Людмила Дюбург Эспер

Франция. 1917г. Тайна старинной открытки.

Предисловие

На вид Жерару лет семьдесят – семьдесят пять. Низенький, щупленький, сутуловатый. Седые волосы аккуратно зачесаны назад, глаза голубые, слезящиеся от старости, но точно не от горя. Руки сплошь в пигментных пятнах, лицо в глубоких морщинах. Он напоминает Кощея Бессмертного, только веселого, довольного жизнью и не воруящего царевен. Каждую среду приходит Жерар на Сен-Манде¹ – один из старейших во Франции рынков почтовых открыток, писем, фотографий, дисков со старыми фильмами. Достает свое «золото», расставляет ящички, раскладывает журналы тридцатилетней, пятидесятилетней – а то и больше! – давности. Обменявшись с коллегами новостями, начинает весело «чахнуть» над своим добром. И так, по собственному признанию, уже пятьдесят лет. Пятьдесят! Здесь, на рынке Сен-Манде, мы с ним и познакомились.

– Есть что-то новенькое? – спрашивают его знакомые коллекционеры.

У них нет возраста. Нет статуса. Нет пола. Это одна команда людей, увлеченных и вовлеченных. Во что? Что ищут они в маленьких кусочках бумаги? Какой секрет хотят разгадать, разглядывая пожелтевшие от времени – и какого времени! – открытки, письма. Подтверждение чему или, может, опровержение чего? Жерар многих знает в лицо, про пристрастия каждого не забывает. Кто-то обожает старые виды Парижа, кому-то найдите, пожалуйста, улицу и дом, где родился любимый дедушка, кто-то пересматривает десятки открыток в поисках оригинальных текстов.

Некоторым подавай знаковый год.

В августе 1911 года из Лувра исчезает знаменитая Джоконда. Событие? Еще какое! А тремя годами позже? А шестью? Мир охвачен безумием! И что ж? Войны, революции, потрясения, а близкие люди пишут о том же, что и сегодня: погода плохая, настроение хорошее. Или наоборот. Впрочем, слова те же – меняется тональность. Эпоха невидимо присутствует, внося оттенок беспокойства, тревогу, грусть в личные сообщения, если они отправлены в период Первой мировой войны. Либо письма выдают безмятежность. От них пахнет морем, шампанским, любовью, солнцем. Это означает затишье в мире, редкую и ценную передышку.

В повседневной беготне некогда задуматься о главном: зачем мы вообще здесь? Даже смешно, можно сказать, стыдно такой вопрос задавать. Но вот они, свидетельства времени: старые открытки. Некоторым по сто лет! Тексты настоящие, не придуманные романистами и историками! Видишь почерки авторов – стремительные, неразборчивые. И понимаешь, что ничего не понимаешь. Смятение охватывает – не темное, не такое, когда накатывает тоска, а, напротив, светлое. Будто попадаешь в некое зазеркалье, в старый черно-белый фильм, который всегда смотришь немного снисходительно: ой, люди, какие вы смешные, однако! Трогательные... Страстные... Трагичные и комичные. Ха-ха!

И вдруг что-то главное открывается.

Трудно описать. Просто в одну из миллиардных секунд жизни приходит это самоочищение. Казнь и рождение одновременно. Когда умирает все мелкое, эгоистичное, глупое, злое и рождается нечто мудрое, доброе. Жили, бедные, без интернета, айфонов, ватсапов, майлов и смайлов, писали о простых вещах, которые, в сущности, и есть самые важные.

Прочитав строчки, адресованные когда-то кому-то, можно закрыть глаза и вообразить, что же стало с тем, кто так ждал встречи с «обожаемым волчонком»? С моряком, тоскующим по крошке Мад? С мальчиком, добросовестно перечисляющим, сколько жирафов, страусов и пони видел он в зоологическом саду? С девушкой, засыпающей над учебником по педагогике, и недовольной модницей, которой портниха не успела вовремя прислать юбку? Дождалась ли

---

¹ Сен-Манде (Saint-Mandé) – парижский пригород. Находится в регионе Иль-де-Франс.

некая Маня своего друга, уверяя, что им вдвоем хватит места, а уж солнца-то в Ницце достаточно? Некоторые открытки рассматриваешь как программу театральной постановки: обозначены эпоха, герои, указаны их адреса, кратко описан сюжет, а дальше-то что? Что дальше-то случилось с ними? С теми, кто писал кому-то когда-то? Во Франции было полно русских. О чем они беспокоились, посылая письма на родину или с родины, переживающей тектонический сдвиг истории?

Хочется войти в этот театр, досмотреть пьесу и, может, не важно, *как* именно, узнать финал. Можно ведь придумать! Сочинить свой вариант со счастливым концом. Применяв метод воображения, это не очень сложно. Сложнее, но одновременно увлекательнее предпринять практические действия по поиску адресантов и адресатов. Захватывающее занятие. Зато на финише ждет награда: убеждаешься, что никакой сценарист не выдумает более закрученный сюжет, чем тот, который преподносит ее величество Жизнь. История героев лишь одной приведенной здесь открытки – реальной! – вывела на человеческие, исторические драмы, взорвав душу. Всего несколько слов, обычных слов, но почему-то защемило сердце, что-то заставило думать и думать о нем – том далеком человеке из ушедшей эпохи.

Где и как приобретают продавцы свой эпистолярный товар, неизвестно. Но никаких подделок, все настоящее: печати, марки, тексты. Они подтверждают, что в мире человеческих отношений ничего не изменилось. Быть может, в этом и кроется ответ, который, на подсознании, хочется найти у Жерара. Столько потрясений, событий было за прошедшие сто с лишним лет! Сколько раз человечество было на грани! На той самой, за которой пустота. Но люди пишут друг другу о пустяках, о счастье или одиночестве. О любви. Собственно, это сильнее любой ядерной бомбы. Сильнее разрушения. Маленький кусочек бумаги со штампом – символическое послание нам, живущим в эпоху цифровых технологий. Это радует. Успокаивает. Предупреждает.

Часть первая. «Мой обожаемый волчонок...»

«Открытка старая, на ней привычные, уже затертые у нас слова, но почему-то слезы подступают и понимаешь: в них жизнь, судьба людская, которая бросает, крутит и творит сюжет, но он во времени исчезнет, и его уж нет... И только на открытке вечные слова: люблю, скучаю, мне без тебя так плохо, хочу к тебе, целую, я тебе верна... Сейчас открыток нет, не те уж времена, но снова, как тогда, звучат в эфире старые слова: люблю, скучаю, мне без тебя и жизни нет, она мне не мила. И понимаешь: мы умираем, а любовь жива...»

«О старых открытках». Оксана Курилова

Париж. Площадь Бастилии». 1917 г.

Глава 1. Мезон-Лаффит

«15/28 ноября 1917 г., полночь. Франция.

Здравствуйте, дорогие родители, папа и мама, и дорогая сестрица Клавдия Афанасьевна. Поздравляю вас с праздником Рождества Христова и желаю вам всего наилучшего. Я живу, слава богу, можно сказать, хорошо. Скучновато немножко, ну что же поделаешь. Ведь моим же братьям, думаю, еще хуже живется. И поэтому я смирюсь с судьбой и надеюсь, что когда-нибудь увижусь с вами, дорогие родители. Я к Рождеству надеялся получить отпуск домой, но нет, не пришлось. До свидания...»

Столетняя открытка, совершившая путешествие из Франции в Россию в далеком 1917 году, на удивление хорошо сохранилась! Может, потому, что в свое время, вопреки традициям, ее отправили как письмо – в конверте. На нем нечетко, но все же можно было прочесть адрес получателя: Петроград, Большая Конюшенная, 19, для г-на Якушева. Отправлено из Мезон-Лаффит, ближайшего пригорода Парижа, от месье Espère Yakoucheff. Дата написания интриговала: три недели спустя после октябрьского переворота в России! Разгар Первой мировой войны!

Невероятно. Держать в руках кусочек прошлого столетия! Это тот редкий, уникальный случай, когда обычные в общем слова воздействуют почти мистически. Эмоциональное восприятие момента написания передалось через сто лет! И еще... Некая тайна просматривалась в коротком послании, напечатанном на машинке со старым русским алфавитом – еще с ятями! С привычным для того времени написанием дат: сначала по старому стилю, рядом – по новому. Какая-то загадка, что-то неуловимое, недоговоренное, непонятное... Такое, что помимо нахлынувших чувств вызывало желание разобраться: кто он, что с ним стало? С тем, кто решил смириться с судьбой в далеком 1917 году?

1914 год, 5 августа. Франция, Мезон-Лаффит. Мэрия

Солнечное августовское утро. Немного душноватое, безмятежное – обычный летний день, когда хочется валяться на траве, песке или, надев светлые брюки, прошвырнуться с братом по Парижу, подцепить пару красоток, а потом завалиться с ними на пикник в Булонский лес. Да... Научиться бы жить без сожалений о прошлом, не сильно загадывая на будущее. То и другое, по сути, бесполезно, размышлял Эспер. Но так уж устроена человеческая натура – пренебрегать настоящим. Впрочем, что в настоящем? Брат Георгий пожелал остаться в России, сестра и родители должны были приехать в Ниццу, выехали или нет – неизвестно. В последнее время новости отовсюду поступали тревожные. Всего-то несколько дней, и мир изменился. Привычный, регламентированный, с планами, надеждами, мелкими и большими заботами мир был разрушен. Кто же тот, невидимый, бесцеремонно взглянувший на беспечных людей и решивший вмешаться, подсунув вместо белых стильных брюк темные солдатские штаны? Вместо широкополой летней шляпы – каску? Сапоги – вместо лакированных штиблет, в которых они так лихо отплясывали на вечеринках. Вместо лазурного моря, пальм и кружевного зонтика – холодный снег и кровавые точки на нем.

Первого августа Германия объявила войну России. Третьего – Франции. А пятого августа Эспер Якушев, не военнообязанный, стоял в коридоре мэрии Мезон-Лаффит².

– Monsieur Yakoucheff! Entrez, s'il vous plaît³.

---

² Мезон-Лаффит (Maisons-Laffitte) – респектабельный пригород Парижа. Расположен в 19 км от столицы Франции.

³ Господин Якушев! Войдите, пожалуйста (фр.).

Эспер вошел в кабинет, убранство которого было выдержано в классических традициях времен французских королей. Тяжелые шторы на окнах, массивное бюро, кресла эпохи Людовика XV. Навстречу ему поднялся маленький плотный человек – чиновник мэрии города. Он с любопытством поглядел на Эспера, оценил выправку вошедшего, поинтересовался тем, где сейчас родные. Подбодрил, правда, не очень уверенно: «Скоро все кончится, а, может, ничего и не начнется». Узнав, что урожденный русский говорит на трех иностранных языках – французском, немецком, английском, – чиновник проникся еще большим уважением к собеседнику.

– Вы приобрели револьвер и патроны?

– Да, месье.

– Вы знаете, что стоимость будет вам возмещена по вашей просьбе, если начнется полная мобилизация.

– Да, месье.

– Мы ценим вашу готовность защищать жителей, граждан Франции – союзника России. Еще не поздно отказаться.

– Решение принято, месье.

Пятого августа 1914 года Эспер Якушев подписал engagement – документ, свидетельствующий о том, что через четыре дня после объявления Германией войны некий русский, оказавшийся на момент начала военных действий во Франции, предложил свою помощь стране-союзнику. Барин, по понятиям того времени, родившийся в Санкт-Петербурге, получивший блестящее образование инженера-агронома, проводивший лето на Лазурном берегу, а зиму – в Мезон-Лаффит, пригороде Парижа, сердцеед и повеса, чья семья обладала землями на Украине, пакетами акций российских заводов, включая «Путиловский», *degagé de toute obligation militaire*, то есть освобожденный от военной обязанности, добровольно лишил себя этой свободы.

Именно так: добровольно. Ему было уже тридцать два года. Несколько лет назад Эспер Якушев вернулся домой после службы в императорской армии, в первом артиллерийском полку, что стоял под Вязьмой. Инженер-агроном с тремя иностранными языками занимался управлением семейных дел: заводами, недвижимостью в России и за границей. Путешествовал, обожал музыку, прекрасно пел, играл на фортепиано, делал успехи в живописи. Мечтатель, романтик, с самого детства не любивший военные мальчишеские игры. Брат Георгий иногда звал его мямлей, но Эспер только смеялся, нисколько не обижаясь. Баловень судьбы, завидный красавец-жених, имевший все шансы отсидеться в смутное время где-нибудь в Кап-д'Ай⁴, вручил эту свою судьбу в руки маленького толстенького человечка, поставив подпись под фразой: «С актом ознакомлен. Пятое августа, Э. Якушев».

Согласно ему, Эспер Якушев обязан был в случае военной мобилизации подчиняться приказам высшего руководства департамента Сен-э-Уаз⁵, обеспечивая защиту граждан Франции, для чего готов служить самоотверженно, с честью и достоинством, соблюдая дисциплину, установленную в специальном гвардейском корпусе военнообязанных. Господин Якушев не имеет права самостоятельно разрывать собственноручно подписанное обязательство в период войны без разрешения на то префекта департамента.

Эспер аккуратно заполнил необходимые графы, обратил внимание на номер документа: 150. Интересно, счастливый? Выглядит внушительно. Круглая цифра. Например, было бы это сто сорок девять или сто пятьдесят один – как-то не то. Несolidно. Как-то неуверенно и незаконченно. Его же номер замыкает, чтобы начать. Да-да, ему определенно повезло, думал Эспер, улыбаясь своим глупым мыслям о счастливых и несчастливых цифрах, поглаживая плотный, без единой складочки, лист бумаги.

---

⁴ Cap-d'Ail – коммуна на юго-востоке Франции в регионе Прованс-Альпы-Лазурный берег. Курорт.

⁵ Сен-э-Уаз (Seine-et-Oise) – бывший департамент Франции, был упразднен в 1968 году.

Через сто лет этот листок, подписанный далеко небедным русским волонтером в знаковом 1914 году, состарится. Поблекнет. На нем появятся глубокие морщины. Фразу о том, что в случае мобилизации стоимость револьвера и патронов будет возмещена, можно разобрать с трудом. И все же, даже спустя столетие, бумага не потеряла главное: честь. Было когда-то это слово в богатом русском сословии. Потертый листочек сохранит душу того, кто вот так, с размаху, не с привычной русской бесшабашностью, а осознанно – честь имею! – поставил крест на беспечной, солнечной жизни, шагнув в вечность.

Через полгода, в марте 1915-го, когда война наберет обороты и никаких шансов на разрыв engagement не будет, он вступит в иностранный легион в звании сержанта. Можно предположить, что стоимость револьвера и двадцати пяти патронов (!) была возмещена!

О, французская меркантильность, куда без нее! Честь имела и финансовую ценность.

1917 год, 28 ноября, 16:00. Франция, Мезон-Лаффит. Дом

В последнее время Эспер не писал письма, как раньше, а печатал. Почерк у него всегда был неважный, такой, что сам иногда не понимал. Мама догадывалась по смыслу, папа брал лупу, и только Ежик, любимая сестренка, разбиралась в каракулях брата. Так что пишущая машинка выручала. К тому же она была еще и признаком особого статуса. Свидетельствовала, что он, Эспер Якушев, в недавнем прошлом санитар в звании старшего сержанта, а с некоторых пор – адъютант-переводчик, работает в штабе, а не только бывает на передовой. И мама немного успокаивалась. Или, может, делала вид, подыгрывала. Зря. Эспер знал: переживает, молится за сына. Одного уже потеряла. Его сводный брат, Яков Сушин, погиб в русско-японскую, в мукденском сражении⁶. Милый, милый Яша, малыши Жак, как ласково называли домашние. Красавчик с детства, блондин с голубыми глазами – настоящий ангелочек. Маман так и обращалась к нему: mon petit ange, хотя Яков был старшим братом, а ангелочками и малышами чаще величают младших.

Отец Якова умер, когда тому не было и двух лет. Маман повторно вышла замуж, вскоре, с разницей в год, родились Эспер и Георгий. Родители одинаково нежно любили всех трех сыновей, и братья это чувствовали, не испытывая никакой ревности. Позже он узнал, что Яков выполнял опасную разведывательную миссию, находился в непосредственной близости к японцам. Мог бы спастись. Мог бы. Яша, дорогой мой... Столько лет прошло, а так больно. Будь ты жив, уверен, не дрогнул бы, остался бы верен присяге и сейчас, в это смутное время.

Недостаток пишущей машинки, подумал Эспер, вытаскивая открытку, в том, что, печатая, приходится выбирать слова, строить фразы, чтобы главное сказать. Иначе не поместится. Взял бы ручку, написал бы помельче, успокоил бы и порадовал родителей: скоро, кажется, представят к награде: Святого Станислава дадут. Ну да ладно, успеет, еще напечатает, открытками запасся, а уж повод всегда найдется.

По всем официальным бумагам он значился как Espère Yakoucheff. Прилежные французские клерки не раз хотели его записать как месье Jakoucheff, по-русски – Жакушефф. Такая транскрипция здесь была более распространенной, но Эспер, заметив неточность в документах, всегда просил исправить:

– Месье, французом я, может, когда-нибудь и стану, но не сейчас.

С этой фамилией отправлялись во Францию все Якушевы, летом – в Ниццу, Кап-д'Ай, осенью, иногда зимой – в Мезон-Лаффит.

---

⁶ Мукденское сражение – 20.02.1905 – 10.03.1905, наиболее масштабное и самое кровопролитное сражение периода русско-японской войны. Суммарные людские потери обеих армий превысили 160 тысяч человек.

1917 г., 28 ноября, 23.00. Франция, Мезон-Лаффит. Дом

...Стоял ноябрь 1917 года. Время, когда в Париже и окрестностях сыро, прохладно, дождливо. Дом, который, казалось, еще недавно светился огнями, был шумным, часто тесноватым от количества приезжающих гостей, теперь казался угрюмым и одновременно грустным. Где все? Почему никто не носится по лестницам днем и не крадется после ночных попок ночью? Когда-то дом по-стариковски скрипел, ворчал, даже не думая покрывать ночных гуляк, – братья Якушевы, Эспер и Георгий, любили покутить. Утром маман, Прасковья Ивановна, выговаривала сыночкам, вспоминая старшего сына Жака, ставила в пример, сожалела о своем любимом ангелочке, так и не отведавшим земных радостей. Папа поддакивал, вытирал супруге слезы, не очень досажая сыновьям. И тут, как легкий вихрь, изящная, невестомая, влетала всеобщая любимица – сестра.

Она никогда не топала у входа: «Я пришла!». Не раскачивала перила, не раскидывала вещи – в Мезон-Лаффит ценили порядок. В ее комнате было уютно, пахло свежестью, мечтами и надеждами. Сестренка слыла красавицей! И что уж совсем нечасто встречалось, сердце имела доверчивое, доброе. Дочь быстро успокаивала маман, говоря о том, что «мальчикам надо погулять, а то – мало ли!», что поговорит с ними, придумает наказание. Прасковья Ивановна смотрела на нее с восхищением – хороша! И переключалась на заботы о дочке. Та, увиливая, целовала дорогую мамочку, упрашивая сыграть новый романс. Прасковья Ивановна соглашалась, они садились у рояля, и дом радовался – наступали любимые моменты. За это все прощались: скрип половиц, щели в оконных рамах, расшатанные гвозди, на которых висели портреты Якушевых. Дом любил шум и страдал, боясь тишины. А как хотелось бы потряхнуть стариной, представ во всем великолепии: блещут канделябры, благородная мебель начищена в меру – ей блистать не обязательно, на диванах, креслах – подушки и подушечки, ковры пахнут жизнью, а не пылью, как сейчас.

Но уже несколько лет здесь тихо. Дом оживлялся, лишь когда сюда, в редкие увольнительные, навещался Эспер. Раньше с ним друзья по службе приезжали, останавливались на ночь, порой с девицами. В салоне зажигали лампы, раздвигали шторы, топили камин. Сидели у огня, откупоривая бордо, одну за другой, а потом – как всегда: под утро подружки сбегали, так и не согревшись в холодных гостевых комнатах, ночные приятели тоже спешили. Стук убегающих каблуков и пишущей машинки – пожалуй, все, что осталось от шума, крика, смеха. Слез, вздохов, плача. Дом хирел, откладывая, однако, окончательную капитуляцию и возлагая надежду на Эспера.

Надежда появилась недавно, с приходом в Мезон-Лаффит Мартины. Он посмотрел на лежавшую рядом женщину. Мартина всегда засыпала первой: быстро, как здоровый, крепкий, наигравшийся вдоволь и уставший ребенок. Обнимала подушку, черные, выющиеся волосы закрывали лицо.

Эспер осторожно взял прядь, поцеловал, поднес к носу, вдыхая запах, щекоча себя и боясь чихнуть. Потом так же осторожно, нежно положил ей на плечо руку, погладил, поправил сползшую бретельку ночной сорочки и, наконец, закрыл глаза, пытаясь уснуть, не гася свечи. Так засыпал быстрее.

Сон 1: Казнь

1917 год, апрель. Франция. Западный фронт. Наступление Нивеля. Взятие Курси

Они бредут вдоль железнодорожной насыпи, подбираясь к своим. Снег, глубокий, пушистый, неожиданный в этой стране, но такой же невинный, сказочный... Такой, как там, далеко-далеко, дома, в прошлой жизни. Эспер Якушев, сержант пятой армии, первой особой дивизии, замыкает небольшую группу из четырех человек санитарного отряда номер один. Каждый шаг – пульсирующий удар боли. Выбираясь из окружения, он получил ранение в руку. Перевязал наспех, кровь сочится через шинель, стекая на ослепительно белый снег. Метель, словно придиричивый пейзажист, порывами ветра взрывает снежные волны, затушевывая красные пятна. Эспер обернулся – безлюдная, дикая красота. Но любоваться видами некогда – боль, усталость гонят вперёд. Вдруг, по другую сторону железной дороги, видит серое, обшарпанное здание, похожее на бункер.

– Эй, ребята, вы как? Может, передохнем?

Группа остановилась. Все вымотались изрядно, предложение сержанта кажется резонным. Переступают через рельсы, входят в дом – никого. Гулкая тишина. Зал пустой, никакой мебели, лишь скамейки вдоль стен. Вдох облегчения, они с наслаждением садятся, вытягивая ноги. И слышат крики, немецкую речь за окном.

– Боши! ⁷ На пол! – кричит Эспер.

Ему, как и остальным, приходит в голову спасительная, так им кажется, мысль: притвориться мертвыми. Все бросаются на пол, замирают в разных позах. Немцы входят в помещение, деловито осматривают и, не замечая лежащих на полу людей, начинают разливать из бутылки какую-то жидкость. Еще двое затаскивают газовый баллон. «Бензин, – с ужасом догадывается Эспер, – хотят поджечь или газ пустить». Опять одна и та же мысль проносится у всех: бежать! Немедленно! Лучше погибнуть от пули, чем сгореть заживо или отравиться газом.

Бросаются к окнам, к выходу. Немцы взводят ружья, но беглецы уже на улице.

– Туда, туда! – кричит Этьен Ардэн, водитель-механик, показывая рукой на противоположную сторону.

Зачем? Какой смысл? Местность открыта, все как на ладони. Гибель неминуема. И вдруг, как видение, появляется товарный поезд, несущийся на полной скорости, надо только успеть перепрыгнуть через рельсы, поезд их спрячет, подарив несколько мгновений жизни.

Ещё одно усилие, всего одно! Ура! Успели! Поезд прикрыл и – не может быть! – затормозил, будто подсказывая: ребята, не медлите! Вперёд! Прыгайте! Все бросаются в открытые двери ближайшего вагона. Спасены! В этот момент Эспер спотыкается, падает, видя отчаянное лицо Этьена.

– Вставай! Быстро! Давай руку! Руку давай!

Эспер поднимается, но зачем-то оборачивается. Зачем? Перед ним уже другое лицо: злобное, толстое, красное. Это женщина. На ней военная форма: грязная рваная юбка, облегающая толстые ляжки, плотный китель, под которым – он просто уверен! – потные бесформенные груди, не знавшие ласки, способные вызвать лишь презрительность, а не возжелание.

– Стоять!

---

⁷ Бош, боши (фр. boche) – прозвище немцев во Франции. «Boche» – афереза слова alboche, образованного из «al» (французское название немецкого языка – allemand)) и «boche» (от фр. «caboché» – «башка»).

Незнакомка что-то говорит по-немецки, тычет винтовкой. Эспер хватается за ствол, вырывает и, кидая его в сторону, бросается на женщину со звериной яростью, вдавливая в снег, бьет с размаху кулаком в лицо, бьет сильно, жестоко. Этого мало – он вскакивает, ударяет сапогом в толстый подбородок жертвы, топчется на ней в каком-то диком угаре, творя месиво из того, что еще недавно было лицом.

– Эспе-е-р, – далекий голос Этьена отрезвляет, заставляет опомниться.

Эспер видит вагон. Последний. Даже не вагон, а платформа – открытая всему миру, небу, несущая спасение. Странно, но поезд опять притормаживает. Эспер перешагивает через распростертое перед ним тело, бежит, бежит с трудом – на ногах будто камни подвешены. Цепляется за платформу, мгновенно вскарабкивается, переваливается набок, потом на спину. Сапоги – в сгустках крови, руки дрожат от пережитого напряжения. Поезд, весело присвистнув, прибавляет скорость, тая в пространстве, унося того, кто только что свершил казнь. Мгновение – и хлопья свежего снега покрыли рельсы, насыпь, следы ожесточения и борьбы.

Палач. Он – палач. Мысли накатывают, ужасают, дыхание становится тяжелым, переходит в крик: «Жи-и-и-в!»

– Эспер? Что с тобой? Ты кричал во сне. – Мартина, проснувшись, склонилась над ним, потрогав лоб. – Температуры нет. Ты плачешь? Все хорошо, – успокоила, поцеловав его в мокрые от слез глаза.

Жив. Эспер часто видел похожие сны, воссоздающие картинку пережитого каким-то изощренным, причудливым образом. Поезд, снег, бункер. Этого же не было? А может, было? Настолько отчетливо представлял сцены, что сознание путалось: было или не было. Привидевшаяся немка, ее разорванное лицо – это, возможно, французский офицер, вынесенный им и Этьеном с передовой. У того было сильнейшее поражение внутренних органов, большая потеря крови. Или тот русский? Раненый в лицо, которое наверняка уже никогда не будет прежним. Бедняга. Рискуя, Эспер Якушев, номер в послужном списке 11366 и Этьен Ардэн, номер 231, эвакуировали обоих, успев донести, а потом довезти до передвижного операционного блока.

Было это в холодном апреле 1917 года при взятии Курси, наступлении генерала Нивеля⁸. Провальном, бессмысленном, трагичном. Страшные дни, когда он видел не просто смерть, а ее жуткие, издевательские последствия: изувеченные трупы, разорванные и взорванные тела, бывшие еще недавно живой плотью. Безучастные к земляному холоду, дождю, лежали они на носилках ровной линейкой, будто готовые снова встать и броситься в атаку. На оторванных ногах все еще держались аккуратно зашнурованные французские ботинки и русские сапоги, глядя на которые у Эспера сжималось сердце. Тогда даже погода была не на их стороне: дождь, грязь, но во сне ему почему-то привиделся пушистый снег из другой жизни.

Эспер не считал, скольких раненых вывез его санитарный отряд номер один, скольких спас он лично. Потери от артиллерийских и газовых атак ежедневно исчислялись десятками трупов и сотнями раненых. Они тоже рисковали. Год назад, прошлой осенью, его товарищ Осип Цадкин⁹, санитар их взвода, получил сильнейшее отравление газом под Эперне. Страдал сильно, выжил, недавно демобилизовался. Эспер был уверен, что когда-нибудь Осип, молодой художник и скульптор, приехавший накануне войны из России во Францию учиться живописи, добровольно вступивший в иностранный легион, станет знаменитым. Они пропустят по рюмочке где-нибудь в парижском ресторане, вспоминая все как страшный сон. Эспер тоже

⁸ «Наступление Нивеля» или «Битва Нивеля». Французское «Наступление Нивеля», 16–19 апреля 1917 года. Названо так по имени главнокомандующего французской армии Робера Нивеля. В историю Первой мировой войны «Наступление Нивеля» вошло как символ бессмысленных человеческих жертв. Потери французов: более 180 тыс. человек убитыми и ранеными. Русские бригады потеряли примерно пять тысяч человек, в том числе около тысячи убитых. – Jean-Ives le Naour. La grève des tranchées et les mutineries de l'année 1917. Les Cahiers de La Courtine 1917, France, 2018.

⁹ Осип Цадкин – французский скульптор-авангардист. Во время первой мировой войны, находясь во Франции, вступил в иностранный Легион, а затем в санитарный отряд.

пробовал рисовать, показывал другу. Осип оценил точность, изящество линий, сравнивал со стилем Модильяни. Лыстил, разумеется, но так хотелось иногда сесть где-нибудь на берегу реки с альбомом и карандашами.

Не до того пока. Главное: жив! И его уже отметили. В начале июля 1917 года Эспера вызвал полковник медицинской службы, дивизионный врач первой русской особой дивизии Мишель Рейтборже.

– Сержант Якушев? Читайте! – полковник протянул Эсперу листок бумаги с написанным от руки текстом. Это был приказ о награждении его французским Военным крестом:

«Париж, ул. Христофора Колумба, 4. Господину полковнику Шевалье от дивизионного врача первой особой русской дивизии. Имею честь донести до вас приказ номер 23 от 17/30 июня о том, что сержант Якушев Эспер первой особой русской дивизии, санитарный взвод номер один, приставлен к награде: военному кресту. Он проявил смелость и мужество при эвакуации раненых на линии фронта под огнем противника». Печать, подпись.

Прочтя, Эспер поблагодарил полковника. У того весело блеснули глаза за толстыми стеклами очков:

– Пока время есть, своим напишите. Или настучите. Пишущая машинка в вашем распоряжении. Я ее не люблю, привык по старинке: ручкой.

С того, наверное, дня Эспер и стучал иногда, отправляя в далекий Петроград письма: «Дорогие мои! Только что полковник Рейтборже сообщил новость: меня наградили военным крестом. Высылаю вам фотографию нашего санитарного отряда. Меня там плохо видно, я на заднем плане. А Рейтборже сидит на ступеньке санитарной машины. Он в очках, увидите. Очень заботится о наших раненых».

Письмо было отправлено в конце июля. Эспер представлял реакцию маман: наверняка всплакнула. Ежик начала ее успокаивать, говоря, что скоро все встретятся. Папа побежал за лупой, чтобы разглядеть Военный крест на груди сына. Отправляя письма и фотографии, Эспер не мог описать войну. Не помнил деталей, не находил слов. Менялись места дислокации, боши наступали, отступали, французы и пришедшие к ним на помощь русские защищали, тоже отступали и наступали. Каждый прожитый вчерашний день забывался, стирался, оставляя лишь вздох облегчения и грусть.

Все еще во власти виденного сна, Эспер встал, подошел к окну. Какая жестокость им овладела! Неужели он на такое способен? Видимо, прошедшие годы дали о себе знать. Прошло три лета с того дня, когда толстый человечек в мэрии торжественно благодарил его за готовность защищать Францию, возможно, втайне полагая, что страх перед грядущими событиями преувеличен, что все будет как раньше. Но день человеческого безумия начался, просто не сразу это поняли. Не поверили. Самые страшные катастрофы подкрадываются незаметно, бесшумно, под масками дипломатических вывертов, и в этом циничном лицемерии есть нечто чудовищное, коварное, потому что трагичные последствия обманчиво непредсказуемы.

Иногда он сам себе казался фаталистом, считая, что нельзя избежать неизбежного. Анализируя то, что произошло, еще раз пытался понять: почему? Все изменилось быстро и неожиданно: в мире, в России, в семье, в нем самом. Никаких вестей о Георгии, мама не пишет, говорит: «Потом, потом». Ежик, любимая сестра, обещает все рассказать и умоляет беречь себя. Когда же они увидятся?

Три года прошло! Он вспомнил, как размышлял, счастливый ли номер подписанного три года назад обязательства. Видимо, да. Все еще жив. Просыпается, неважно – вечером или утром. А с недавних пор – редко, очень редко, но тем более ценно – видит рядом Мартину. Не начнись война, не окажись он во Франции, никогда бы ее и не встретил. Такой ход мыслей казался циничным, но ведь никто об этом не узнает, успокаивал себя Эспер.

Война, рассуждал он, в каком-то смысле – чистилище. В глубоком, нравственном смысле. Время жертвенности. Так полагал урожденный русский из Санкт-Петербурга, решивший спус-

стя восемь месяцев после подписания engagement вступить в санитарные отряды автомобилей России: Les Ambulances Russes. Санитар. Всего-навсего: сани-тар! Он, Эспер Якушев, способный художник, музыкант-любитель, свободно говорящий на трех иностранных языках, кутила и повеса, богатый наследник известной в Петрограде семьи. Санитар.

Все в прошлом, все пустое. Его охватывала гордость: санитарный отряд был сформирован на личные средства самой императрицы Александры Федоровны и русской знати, живущей во Франции. По этому случаю в Париже прошли торжества: французы оценили подарок России. Стоя на богослужении в русском соборе Александра Невского, сержант Якушев не мог представить, что два года спустя будет видеть кровавые сны. Тогда, слушая монотонный голос батюшки, видя истово крестящихся людей, Эспер испытывал прилив гордости, волнение. Даже больше. Самому себе можно не лгать и признаться: ощущение счастья. Да-да, ему казалось, что вот сейчас наступил важный момент, когда он наконец понял свое предназначение. То, что казалось бессмысленным, жестоким, вдруг приобрело обратный смысл и оправдание.

Спустя два года Безухов в нем стал жестче.

Эспер долго смотрел в темное окно и, пытаясь окончательно сбросить остатки тяжелого сна, почувствовал наконец некоторое облегчение. Возможно, его позвала Мартина, или дождь успокоил, или что-то другое, мистическое, пролетело перед глазами, приоткрыв картины будущей жизни. Он проследил за ползущей по стеклу каплей, проведя пальцем до оконной рамы. Как тихо... «Надеюсь, что скоро увижусь с вами, дорогие родители», – вспомнил он строчки из напечатанного днем письма. «Смирюсь и дождусь», – с этой мыслью задул свечу, подошел к кровати. Мартина, привстав, потянулась к нему:

– Бедный ты мой, бедный мой мальчик.

Сжав ее руку, Эспер навалился всем телом, ощущая тепло, радость. Стало спокойно, как когда-то, давно, в детстве. Мартина отозвалась на внезапную ласку своего русского друга. Тысячи женщин вселились в нее, забирая боль, страх, гнев, растерянность у того, кто так же, как она, хотел самой драгоценной малости: любви.

А вот их редкие свидания он помнил. В деталях, мельчайших нюансах, воссоздавая по секундам то, что предшествовало первой встрече.

Глава 2. Хроника. «Отче наш, иже еси...»

1915 год. Франция – Россия. Как все начиналось...

Запасемся терпением, друзья! Главные герои выйдут на сцену чуть позже, пока же приоткроем занавес и посмотрим декорации. Повествование будет неполным и не совсем ясным, если не восстановить хронологию событий. Читать исторические выкладки, тем более столетней давности, конечно, скучновато. Попахивает нафталином. Отвыкли мы, ох отвыкли. Но иногда необходимо заставить себя это сделать чуть ли не силой. Именно: заставить! Может, что-то дрогнет, шевельнется в нашем сознании, повернутом на технологических достижениях. Может, хотя бы произнесем имена тех из ушедшей, полной катаклизмов, эпохи?

Обеспеченные, самодостаточные. Образованные. Элегантные, утонченные, высокомерные. Никто не упрекнул бы их в бездействии. За чем они устремились и за кем? Неужели благородство чувств и поступков обратно пропорционально развитию общества? Техническому прогрессу? Может, их души спустятся и, осмотревшись, заставят своих прагматичных потомков смутиться. Что ж, вы, братцы, – заметят укоризненно, – что ж вы так обмельчали? Что за конструкцию строите? На кой черт технологии, если смысл доброты, сострадания становится вторичным?

И потому, друзья, вперед, точнее, назад, к ним, к тем, кто смотрит на нас с черно-белых фотографий. Выправка, холеные руки, сложенные на коленях, точеные лица, глаза с прищуром. Кажется, сейчас оживут: встанут, потрут ладони и насмешливо спросят своих потомков: «Ну-с, братцы, рассказывайте. Что вы тут натворили?»

* * *

Итак, начинаем. За два года до октябрьского переворота отношения между Францией и Россией были на пике дружбы. Подтверждением станет созданная непосредственно на линии Западного фронта служба санитарной помощи России: *Les Ambulances russes aux Armées Françaises*. Санитарные отряды России во французской армии – абсолютно неизвестная страница истории Первой мировой войны.

В марте 1915 года колонна из двадцати санитарных автомобилей торжественно, под гимн России, выстроилась на площади Инвалидов в Париже. На каждом автомобиле надпись: «*Ambulance Russe de S. M. Imperatrice Alexandra Feodorovna de Russie*», в переводе – «Русский санитарный отряд ее величества Александры Федоровны, императрицы России». Начало положено: Россия отправила Франции первую помощь. Это вам не дипломатические папирусы, увенчанные вензелями! Щедрый вклад был сделан августейшей императрицей, той самой Аликс, которой здорово достанется через два года от революционеров всех мастей.

Санитарные автомобили поступают в распоряжение армии под командованием французского генерала *Langle de Cary*¹⁰. Колонна автомобилей скорой помощи проследует в сторону русской церкви на улице Дарю, где пройдет торжественный обряд освящения. Пресса публикует репортажи и фото знаменательного события.

Медицинский персонал полевых госпиталей, операционных блоков состоял большей частью из французских врачей. Но возглавил санитарные отряды *Les Ambulances russes* пол-

---

¹⁰ Фернан Лангль де Кари – 04.07.1849 – 19.02.1927. Французский военный деятель, дивизионный генерал.

ковник Дмитрий Ознобишин¹¹ – блестящий русский офицер и известный художник, ставший еще до войны центром парижской творческой элиты.

В числе друзей и поклонников Ознобишина были известные журналисты, писатели, артисты, художники. Некоторые из них в знак ли солидарности, или по иным причинам поддержали своего лидера, записавшись в службу санитарной помощи России. Тот же вопрос: зачем? Зачем им-то? Богатым, знатным, знаменитым? Талантливым! Можно гадать, предполагать и даже подозревать! Однако историческая реальность такова, что творческая интеллигенция сменила божественные места на траншеи, промозглые бункеры и продуваемые палатки. Подобный шаг стал своеобразным тестом, определившим значимость представителей культуры не только в эстетических результатах их деятельности, но прежде всего – в нравственных.

Предоставим историкам разбираться в том, что двигало французами в момент, когда их страна находилась в состоянии военного конфликта. Что же до выходцев из России – тех, кого война застала во Франции, – выбор был. Или встать на защиту граждан страны-союзника, или уехать в Россию. Или – ни то ни другое. Элементарно отсидеться. Большинство выбрали первое. Основной костяк санитаров, механиков-водителей санитарных отрядов службы Les Ambulances Russes, находящейся в составе французской армии, был представлен именно уроженными русскими, причем теми, про которых говорили: элита. В то далекое время это слово воспринималось в своем первоначальном значении, без оттенков презрения и сарказма: лучшие. Они рисковали жизнью, спасая французских, а позднее и русских солдат. Подвергали себя газовым атакам, терпели все лишения военного времени.

По-разному, очень по-разному, сложатся судьбы этих людей. Дмитрий Ознобишин, убежденный монархист, окажется в конечном итоге опасным и для Временного правительства, и, еще больше, для большевиков. Он, чьими личными усилиями была создана служба, прославившая Россию, показавшая ее гуманитарную роль в этой тяжелой войне XX века, больше не вернется на родину. Объятой революционным угаром России 1917 года будет, увы, не до тех, кто бросился – или кого бросили – спасать и защищать союзников.

1916 год. Франция – Россия. Годом позже

Держимся, держимся, друзья! Исторический экскурс продолжается, но вы уже в середине пути! Санитарные автомобили, подаренные Франции Россией, были лишь прологом к последующим событиям. Терпеливо листаем страницы истории дальше. Вслед за санитарными автомобилями на Западный фронт отправятся бригады Русского экспедиционного корпуса (РЭК).

Майи-ле-Кан, регион Шампань-Арденн – здесь будет место их дислокации. Но у потомков тех, кто прошел маршем по Елисейским полям, слово «шампань» не вызывает грустных эмоций. Через сто лет после событий о Русском экспедиционном корпусе императорской армии знают немного и, за исключением специалистов-историков, немногие. Во Франции и, еще меньше, в России. А посему упреки в забвении адресовать некому.

Вот что пишет Сергей Оболенский, президент Ассоциации памяти Русского экспедиционного корпуса во Франции: «Роль Российской Империи в Великой войне известна сравнительно мало и заслуживает краткого напоминания. В 1891 году, в царствование Александра III, Россия и Франция обязались оказывать взаимную помощь в случае агрессии со стороны третьей державы. Император Николай II подтвердил этот союз во время пребывания во Франции в 1896 году, а президент Феликс Фор – в ходе визита в Россию в 1898 году. В соответствии с планами союзников (...) в августе 1914 года Россия, еще даже не закончив мобилизацию,

¹¹ Дмитрий Иванович Ознобишин – 08.08.1869–1956. Помощник военного атташе во Франции. Дипломат, художник.

начала наступление в Восточной Пруссии. Это вынудило немцев перебросить два армейских корпуса на восток, но привело к большим потерям среди русских войск»¹².

Несмотря на тяжелые потери, наступивший 1916 год не предвещал будущих еще более трагичных, переломных событий. Две страны, Россия и Франция, продолжают активно обмениваться визитами и намерениями. На высочайшем уровне ведутся переговоры: союзники просят помощи, ссылаясь на договоренность о взаимной поддержке. Стоит вспомнить, что шестнадцать лет назад, в 1900 году, одним из символов франко-русского союза стал красивейший парижский мост Александра III, заложенный его сыном, будущим императором Николаем II. Если бы в дипломатических отношениях для подтверждения дружбы можно было ограничиваться только мостом или мостами, скольких жертв, ошибок можно было бы избежать и сколько мостов построить... Увы...

Франция, индустриально преуспевшая больше, нежели Россия, обладала на момент начала войны более современным оружием. У России, как всегда: безграничные человеческие ресурсы. Практичные потомки Наполеона это прекрасно знали. Результатом длительных и непростых переговоров французских властей с Николаем II станет отправка во Францию двух бригад – первой и третьей – в составе Русского экспедиционного корпуса. В общей сложности, защищать страну-союзника Францию отправятся двадцать тысяч русских солдат и офицеров. Отметим, кстати, что французы просили помощь в размере четырехсот тысяч человек!! Взамен обещали обеспечить оружием и доставку русских войск на кораблях французского флота. Еще две бригады – вторая и четвертая – уедут на салоникский фронт.

Жесткая арифметика. В историю эта договоренность – разумеется, не афишированная, спрятанная за пафосными речами, так и войдет: люди в обмен на оружие. Готовность участвовать в тяжелейшей и абсолютно непредсказуемой миссии проявили люди грамотные, с опытом воинской службы, уже отмеченные наградами. Это были лучшие из лучших: кадровые офицеры, солдаты, причем не только молодые призывники, но и из запасных батальонов. Крестьяне, рабочие в мирной жизни, они, по сути, приняли самостоятельное решение отправиться в страны, понятие о которых имели весьма смутное. Что ими двигало? Некоторая авантюристность, видимо, присутствовала, но все же в большей степени определяющим фактором и для солдат, и, тем более, для офицеров стала именно верность присяге. Помощь союзнику воспринималась как долг, и не важно, каким образом и на какой территории он должен был быть исполнен.

Отправка первой бригады в количестве восьми тысяч человек была намечена на начало февраля 1916-го, високосного года. Сначала – в поездах через всю Россию до Маньчжурии. Тридцать тысяч километров (!) в тесных душных вагонах, замаскированных на отдельных участках дороги, дабы не вызвать никаких подозрений для возможной передачи информации противнику. Спустя почти месяц пути по Транссибирской магистрали первая бригада прибывает в порт Дайрен¹³. Короткий отдых, и все на борт!

«Дайрен, порт в Маньчжурии, 29 февраля 1916 года. Несколько пароходов под французским флагом стоят на якоре у бесконечного причала с пакгаузами. Дует холодный ветер, приroda угрюма, тихо плещется свинцовая вода. На горизонте вздымаются голые сопки Маньчжурии. Люди в серых шинелях, с обнаженными головами, застыли в шеренгах. Несколько японских офицеров со скрытым интересом разглядывают их. И вдруг над строем величе-

¹² Gérard Gorokhoff, Andrei Korliakov „Le corps Expeditionnaire Russe en France et Salonique 1916–1918“, Ymca-Press, Paris, 2003, стр. 8.

¹³ Дайрен – город под названием Дальний был основан русскими в 1898 году на территории, полученной Российской империей во временную аренду от Китая по конвенции 1898 года. Порт, построенный русскими инженерами, отличался новациями и был одним из самых современных в регионе Охотского и Южно-Китайского морей. Во время русско-японской войны был захвачен Японией и переименован в Дайрен. В августе 1945 года был освобожден советскими войсками. В 1950 году безвозмездно передан правительством СССР Китаю. В наст. вр.: Далянь, северо-вост. часть Китая.

ственно и мощно раздаются слова, повторяемые тысячеголосым хором: „Отче наш, иже еси...“ Люди читают молитву истово, им предстоит далекое и необычное путешествие (...) их ожидают события, не похожие на все пережитое доньше»¹⁴.

Да-а... Без длинных речей. Просто, по-крестьянски, и потому волнует. Наконец слышен прощальный гудок пароходов, печально и призывно извещающий: уходим... Солдаты и офицеры, стоящие на палубах, еще не знают, что для многих из них чужие земли станут последним пристанищем. Морское путешествие продлится почти два месяца – пятьдесят восемь дней! На смену минусовой температуре Дайрена придет палящее солнце. Родные просторы, березы, метели и свист в печной трубе останутся в воспоминаниях. Их ждут закаты чужеземных морей, сухой ураганный ветер, теснота в трюмах, болезни. Пройдя путь «...под раскаленным небом Юго-Восточной Азии, через Гонконг, Сингапур, Коломбо и Порт-Саид, (...) Суэцкий канал, 20 апреля первые корабли прибыли наконец в Марсель»¹⁵.

Исторический французский город-порт станет точкой прибытия трех оставшихся бригад, которые отправятся из Архангельска до Бреста, и далее – в Марсель. Путь, несколько короче по продолжительности, чем совершенный первой бригадой, будет столь же опасным и тяжелым. Первая и третья бригады войдут в состав французских подразделений, вторая и четвертая – отправятся на салоникский фронт. Сорок пять тысяч молодых мужчин. Набирали рослых, сильных, выносливых, чтобы окончательно сразить союзников, доказав силу, мощь и героизм русской императорской армии. Отбирали красавцев. Больше половины из них никогда не вернутся домой. Ни-когда.

«Одиссея», столь героически, великодушно начатая, закончится плачевно и унижительно. Спустя три года, проведенных на чужбине, после скитаний и унижений, многочисленных согласований на дипломатических уровнях, отчаявшиеся и ожесточившиеся, они все же вернутся в Россию. Но не все. Многие в лучшем случае обретут вторую родину: Францию. В худшем – умрут во французских крепостях-тюрьмах от эпидемий и болезней, погибнут на каменоломнях в северной Африке. Канут в вечность. Таковой окажется цена «шкуры мужика, обменянная на винтовки»¹⁶.

У первых начнется новая жизнь, счастливая или не очень, но – жизнь. У вторых появятся могилы с надписью «погиб за Францию». Или и того проще – без всякой надписи, лишь с указанием даты смерти: умер тогда-то. Потомки первых будут носить странные фамилии, оканчивающиеся на «-фф»: Rogoff, Noskoff, Pavloff, Yakoucheff. Вторых ожидают скромные цветочки в День всех святых и полное забвение на родине. На военно-морском кладбище в Рошфоре лягут они ровной линейкой под могильными плитами рядом с бывшими противниками. Русские солдаты Филипп Новиков, Иван Беляков, Михаил Анисимов и немецкие гренадеры Отто Воллерт и Отто Шедеман уснут навеки. Их разделит расстояние пять-десять метров. Немного меньше, чем в той траншейной войне. Только вместо ружейных стволов будут мирно смотреть друг на друга кладбищенские кресты – восьмиконечные православные и четырехконечные католические. Рано утром птицы огласят веселым звоном грустное место встречи, приветствуя новый день.

Все будет потом. Потом! Пока же – фанфары, цветы, возвышенные слова о братстве навеки, слезы гордости. И – любовь. Впрочем, фанфары ей только мешали.

¹⁴ Gérard Gorokhoff, Andrei Korliakov „Le corps Expeditionnaire Russe en France et Salonique 1916–1918“, Ymca-Press, Paris, 2003, стр.12.

¹⁵ Gérard Gorokhoff, Andrei Korliakov „Le corps Expeditionnaire Russe en France et Salonique 1916–1918“, Ymca-Press, Paris, 2003, стр.12.

¹⁶ Слова из песенной баллады Michel Dinocéра и Hélène Ohier „Au mutins de la Courtine“: „...Boucherie de 14/18 échangés contre des fusils, combien vaut la peau d’un moujik“.

Глава 3. Весна 1917 года. Майи – Реймс – Париж. Эвакуация

И любовь. Уф-ф! Дождались! В конце концов, цифры, факты, события необходимы и важны для понимания эпохи, но это всего лишь фон. Декорации. Обычная почтовая открытка, совершившая путешествие во времени, инициировала прежде всего желание узнать: что стало с ее автором? Кто он был? Вернулся в Россию? Остался во Франции? Нашел любовь, оставил потомков или так и умер безвестным?

В cartes postales нет цифр, над которыми корпят исследования, оспаривая их или доказывая. Есть только даты. Есть тексты, от которых замирает сердце. Даже от самых банальных. Черно-белые послания, как талисманы, берегут то самое хрупкое, нежное и одновременно сильное, что помогает удержаться в нашем цветном шумном пространстве.

2 октября 1916 года девушка по имени Жюльет писала своей подруге в Лион: *«Можете ли вы представить, дорогая Анна, что мы с мамой уже несколько дней в Париже. Моя свадьба расстроилась, и я решила развеяться, подарив себе это путешествие. Мама меня сопровождает. Прогуливаемся, шлем наилучшие пожелания»*. Кому-то грустно, а кого-то переполняет счастье. В 1919 году, 29 мая в три часа дня для сержанта Луи Марти была отправлена открытка. На изображении – первые девять флагов, захваченных у немцев. Только вот текст не имеет ничего общего с фоном: *«В этот момент я смотрю на твое дорогое и хорошее письмо, а также на букетик весенних цветов... Фиалки, маргаритки, которые мне все говорят о твоей любви. Спасибо, любимый. Обнимаю тебя крепко и вновь говорю, как сильно тебя люблю... Твоя Бланшетт»*.

Влюбленная Бланшетт не поблагодарила сержанта за захваченные трофеи. Не поздравила. Смотрела на маргаритки. Да и расстроенной Жюльет вряд ли интересно было бы считать флаги. Потому что в той же открытке она, переживая любовную драму, добавила: *«p. s. Мы уже поднимались на Эйфелеву башню, я увидела Париж с высоты. Он прекрасный. А когда спускались, кое-что произошло...»*

Возможно, спускаясь, Жюльет, встретила новую любовь? Или, выдохнув, окончательно зачеркнула старую? И добрый гуляка Париж ей в этом помог? Любовные раны затягиваются быстрее, особенно если на все старое посмотреть свысока.

* * *

Они познакомились весной 1917 года в Париже – городе, которому всегда удавалось снисходительно и терпеливо переносить невзгоды, войны, бунты, революции. Мир рухнет – Париж останется. Город-соблазнитель, умеющий бескорыстно дарить счастье. Местом знакомства стал русский госпиталь, что склонному к размышлениям Эсперу показалось фатальным стечением обстоятельств.

Тот майский день 1917 года он запомнил поминутно. Сначала его вызвал помощник главного дивизионного врача полковника Рейтборже адъютант-переводчик Николаефф. Напустив побольше серьезности, выпрямившись, будто перед вручением высокой награды, адъютант – красивый брюнет, одинаково пользующийся вниманием, как среди молоденьких медсестер, так и зрелых дам, – выдал письменный приказ, торжественно зачитав:

– Сержант Якушев! Вы обязаны явиться в указанный день к военному атташе России на улицу Христофора Колумба, дом четыре. Вы обязаны его выслушать, после чего доложить, что русские солдаты, как и французские, находятся в полной боевой готовности для взятия всех борделей Парижа. Ждем только высочайшего на то повеления, – Николаефф, перейдя на французский, сделал упор на слове «бордель». Вручая документ, он, впрочем, заметил, что

в реальности их, кажется, ждут другие приказы. Эспер, смеясь, пообещал быть твердым и в точности выполнить поручение офицера, вышестоящего по званию.

– Non, non, – на всякий случай предупредил Николаефф. – Полковнику сейчас не до развлечений. Но ты в бордель все же зайди. Расскажешь, – он вздохнул. Медсестры, конечно, были милы, но все же слишком серьезны. Пьер Николаефф, потомок русских дворян, осевших во Франции, любил шумных и ярких подруг.

– Ладно, перейдем к делу, – продолжил адъютант, перейдя к делу. – Трех раненых захватишь, присмотри за ними. Одного, кажется, твоего знакомого, на Елисейские поля отвезешь – повезло парню! Отель «Карлтон»! Там теперь госпиталь наш. Ее величество императрица Мария Федоровна открыла. Да что я тебе говорю, ты же все это знаешь! Двух других Этьену передашь, он сегодня выезжает. Будет встречать вас в Нуази. Оттуда уже сам с ними отправится, тебе не обязательно ехать. Ты прямиком в Париж направляйся.

– А тех куда? Неужели в Мишле?¹⁷

– Угадал! Точно! В Мишле. После газа, говорят, хорошо восстанавливают. Красота там сейчас... Зелено... В общем, давай. Сначала – госпитали. Так что...

– Так что maison close¹⁸ отменяется, – с нарочитой важностью закончил Эспер, подыгрывая Пьеру.

– Да уж... Но ты хоть мимо пройди. А то и зайди! Расскажешь! – не унимался тот.

Апрельское взятие Курси в наступлении Нивеля обернулось огромными жестокими потерями, ускорив приближение конца. Военный коллапс грозил парализовать тыловую медицину. Но, надо отдать должное французской скрупулезности: систему мер по оказанию помощи раненым французы продумали до мелочей, причем в кратчайшие сроки. Тыловые и реабилитационные госпитали на берегу моря, вокзалы разного назначения – все было строго расписано, начиная с момента эвакуации до транспортировки в медицинские палаты. Эспер, не раз слышавший критику со стороны русских в адрес французских военных, как генералов, так и солдат, не мог не признать, что в тылу союзники более успешны. Отвага – да, но отвага на грани самопожертвования и уж тем более безрассудства – все же не национальная черта французов. Зато в тылу они доказали, что патриотизм возможен не только на полях сражений.

Выйдя из кабинета, он поймал себя на мысли, что, в отличие от Пьера Николаефф у него не возникло никакого желания идти в бордель. Или почти не возникло. Это даже показалось немного тревожным и, тут же выругавшись, он посмеялся над собой: «Старею...»

В русском госпитале до того памятного дня ему бывать не приходилось. Открытый спустя несколько месяцев после начала войны по инициативе русского благотворительного общества и при содействии августейшей императрицы-матери Марии Федоровны, госпиталь стал еще одним свидетельством благих намерений России в отношении Франции. Как и сто лет назад, русская аристократия волновалась за тех, кто сражался на фронте. Разница заключалась лишь в том, что ранее переживания касались только своих, сейчас же les nobles russes¹⁹, живущие в Париже, посчитали своим долгом помочь раненым французской армии. Сначала госпиталь размещался в Бланкфоре департамента Жиронды, а чуть позднее его перевели в самое сердце Франции – на Елисейские поля, в здание отеля «Карлтон», где они встретились: сержант Эспер Якушев и сестра милосердия Мартина Кастель.

Испанка по матери, французенка по отцу, Мартина не имела в своей богатой родословной ни малейшей примеси русской крови. Смуглая, темноволосая, кареглазая. Импульсивная, земная, воспринимающая радости жизни просто, без философских измышлений, почему и за

¹⁷ Мишле – госпиталь, оборудованный на период войны в лицее парижского пригорода Ванв, примерно 10–15 км от Парижа.

¹⁸ Maison close (фр.) – бордель, дом свиданий.

¹⁹ Les nobles russes (фр.) – русские дворяне.

что дарованы ей эти радости, без поиска и объяснения причин, без ожидания подвоха или беды. Без всего того, что составляло натуру Эспера. Ей и самой было неизвестно, чем объяснялся повышенный интерес к России. Возможно, мифы, таинственность далекой холодной страны, а может, и сентиментальные, томные героини русских романов, в которых ей иногда хотелось представить себя. Год назад, на параде в честь Дня Бастилии, она впервые увидела русских солдат.

– Мартина! Скорее! Бежим женихов выбирать! – смеясь, позвала Сесиль, подруга, тоже медсестра.

Девушки переоделись и, захватив букетики цветов, спустились вниз, расталкивая толпу зрителей.

– Ах! Какие парни! Нам бы таких! Тебе какие больше нравятся? Эй! Ребята! Посмотрите на нас! – Сесиль, забыв о приличиях, приветствовала колонны солдат, шагающих в сторону Триумфальной арки.

– Смотри! Смотри! А эти – в сапогах! И фуражки, а не каски, как у наших! Ах! Красавцы! Это же русские!! Ты русский учишь, крикни им что-нибудь по-русски! – не унималась Сесиль.

Рослые, широкоплечие, в необычных для французов сапогах, солдаты русской императорской армии вызвали восхищение парижской публики. Мартина Кастель учила русский язык, тем более что говорить на нем приходилось все чаще и чаще. А вскоре появились и поводы, правда, не столь веселые, как тогда, на Елисейских полях – в госпиталь стали поступать раненные из русских бригад.

* * *

– Этьен, встретишь нас через два дня. – Эспер показал напарнику приказ о командировке. – Проверь все, приготовь, что надо, еще раз врачей, персонал предупреди. В общем, сам знаешь. Я тоже проверю. Ладно, давай, до встречи в Нуази.

Они попрощались, договорившись поужинать дома у Этьена.

– Жена рагу приготовит, попробуешь. *Délicieux!*²⁰ – заверил тот.

Эспер обещал проголодаться. День действительно предстоял хлопотный. Встретиться они должны были на вокзале в Нуази ле Сек, что примерно в пятнадцати километрах от Парижа. Здесь, на самой крупной в период войны распределительной станции, пассажиров санитарных поездов готовили к дальнейшей эвакуации. Нетранспортабельных – в глубокий тыл, с ранениями средней тяжести оставляли здесь же, в Нуази ле Сек или Париже и парижских пригородах. В одном из них, Ванве, находился знаменитый госпиталь Мишле. Сюда и должен был доставить Этьен двух раненых с осложнениями после газовых атак.

Немцы, несмотря на все международные запреты²¹, без стеснения использовали химические оружие. Противогазы помогали, но многое зависело от момента боя, от «начинки» снарядов, дозы распыления газа, ситуации. Однажды, вынося раненых, они попали в зону облака хлора. Этьен, уже имеющий опыт, прошедший помимо прочего краткие медицинские курсы, закричал:

– Носилки ставь! Мочись! Штаны расстегивай! Мочись на платок! Есть? Нет? Портянку снимай или рубашку!

Не теряя времени, Этьен уже разорвал платок на две части, помочился на ткань, и, не выжимая, приложил один кусок на лицо раненому, а из другого смастерил нечто вроде маски для себя. Эспер, не мешкая, последовал его примеру, успев подумать, что и родная моча может спасти от смерти.

---

²⁰ *Délicieux!* (фр). – вкусно.

²¹ Гагская конвенция 1899 года запрещала применение химического оружия в военных целях.

– Не спеши, не беги, бежать нельзя, береги легкие, дыши в тряпку, – командовал Этьен. – Ты понял? Понял теперь? Если противогаз забыл, запасись мочой, – смеялся он, добавляя: – моча поможет, не своя, так чужая.

Этьен Ардэн, водитель их взвода, жил в Париже. Был старше Эспера, женат, владел небольшой пекарней, но с началом войны так же, как его русский напарник, подписал engagement, вступив в санитарный отряд особой русской дивизии. Уже почти два года они служили в первом санитарном взводе, доставляя тяжелораненых в тыл. Невысокий, крепко сложенный, с твердыми чертами лица, похожий на пейзажа²², балагур и весельчак Этьен был полной противоположностью рафинированного, мечтательного Эспера. Но, может, такая несхожесть их и сдружила. Французский напарник по-братски, даже по-отечески опекал своего русского друга, тот, в свою очередь, не раз рисковал, прикрывая француза в опасных ситуациях. Командировка в Париж обоим давала возможность побыть в иной, более спокойной обстановке.

Выехали из Майи в направлении Реймса рано, часов в пять. Оттуда должен был отправиться санитарный поезд в сторону Парижа. Раненые находились в закрытом кузовном отсеке. Их было трое: Жиль Матте родом из Безансона, Василий Смирнов, мобилизованный в Москве, и Николай Калинин из Самарской губернии. Первых двух, получивших сильнейшее отравление хлором, и надо было переправить в Ванв, госпиталь Мишле. Они тяжело, с хрипом дышали, кашляли, особенно Жиль, которого приступы кашля доводили до рвоты.

У Николая – еще страшнее. Множество осколков разной величины изуродовали лицо двадцатидвухлетнего парня. Уникальное, одно-единственное лицо на миллиарды других. Невредимыми от прошлого облика остались рот, подбородок и глаз. Рот, молодой, наверняка не очень зацелованный, любил поболтать – Николай был разговорчив. Утомившись, рот умолкал, а глаз дремал, прикрыв себя веком с белесыми ресницами. Подбородок раненого украшала трогательная ямочка, должная, видимо, придавать решительность ее обладателю. Нос тоже пострадал, сопя под грузом твердой повязки. Несмотря на тяжесть ранения, Николай Калинин отличался веселым нравом и оптимизмом, веря, что «с лица воду не пить», и с таким проживет. Руки, ноги есть, могло, успокаивал себя, и хуже быть.

Да, когда-нибудь, через сто лет и больше, размышлял Эспер, в исторических справочниках наверняка появятся сухие цифры отчета наступления Нивеля: столько-то убитых, столько-то раненых. Трупы, валяющиеся, гниющие в грязи, издающие запах смрада, станут просто цифрами. Солдаты, вставшие в атаку и тут же упавшие, чтобы встали другие, будут называться потерями. У потерь будет цена. Историки начнут ее уточнять, переуточнять и, может, спорить, уличая друг друга в неточностях. Что ж, по крайней мере, на одну единицу в этих сводках будет меньше. Потому что тогда, в апрельский день, транспортируя раненого, Эспер оглянулся, услышав крик:

– Братцы, подождите! – к ним с Этьеном подбежал запыхавшийся солдат, зажимая рукой сильно кровоточащую рану на шее. – Нет, нет, я доберусь, это так, поцарапало, – добавил, предупреждая вопрос. – Но там брат мой, друг, понимаете, друг мой там. Мы вместе. Точно знаю, Колька, Калинин Николай, жив, точно жив. Упал, но чую – жив! Братцы, спасите, давайте назад, туда, – он неопределенно махнул рукой в сторону, откуда санитары тащили на носилках раненого. Тот, только что стонавший, дернулся и резко умолк.

– Смотрите! Помер он! – воскликнул парень, не скрывая радости. – Бросьте его, помер родимый, помер уже, все, царствие ему небесное, – быстро перекрестившись, схватился за носилки, подтаскивая их к себе, пытаясь сбросить лежащее на них тело. – Помер, помер! Стойте! Дайте носилки, а Кольку я найду, сам найду, если не пойдете! – в его голосе слышались одновременно отчаяние, мольба, угроза и злость.

²² Paysan (фр.) – крестьянин.

– Arrête! Qu'est-ce que tu fais?²³ – раздраженно крикнул Этьен.

– Чего трупы-то таскать, вона их сколько. Лежат... Живых искать надо.

В словах была грустная правда. Трупы валялись повсюду, выносили их обычно только тогда, когда действительно наступало некоторое затишье. Выходит, зря рисковали, спасая того, кто через несколько минут стал «телом». Эспер осторожно снял умершего с носилок, положил на землю, тоже перекрестился, и, обращаясь, к другу-брату неведомого Кольки сказал:

– Ладно, попробуем. Вроде, все прочесали, но мало ли. Ты давай беги, кровь-то хлещет, перевязать надо, добежишь? Там, недалеко от часовни, медпункт. Звать-то тебя как?

– Дмитрий Орлов я, первая бригада, второй полк. Самарские мы с Колькой. – Он прикрывал рану полностью промокшим от крови платком. – Добегу. Братцы, только найдите. Калинин Николай. У него волосики-то как у меня – светлые. Друг это мой, как братья мы. На меня смотрите, такого и ищите, – Дмитрий, слегка сдвинув назад каску, ткнув в себя пальцем, на секунду замер, как перед фотоаппаратом, развернулся и пошел в сторону только что отбитой у немцев деревни.

Они очень рисковали, снова отправившись на поиски, тем более что водитель их взвода категорически отказался ждать в опасном месте, мотивируя тем, что не было на то распоряжения. Этьен, выругавшись, послал его к черту, сказав, что сам сядет за руль, пусть только автомобиль оставит. Риск действительно был: найти Кольку со «светлыми волосиками» среди множества неподвижных тел казалось решением благородным, но невозможным. И все же Эспер первым заметил солдата, лежащего, как и большинство, на спине, но со скрещенными на лице руками. В позе не было внезапности смерти, это и обращало внимание. Человек, возможно, услышав речь санитаров, специально пошевелил пальцами, чтобы быть обнаруженным. На голове у него была каска, поэтому цвет волос не имел значения. Эспер нагнулся, раздвинув руки раненого. Лица не было. То есть оно было, но найти в нем схожесть с «братом» Дмитрием не представлялось никакой возможности, как и ни с кем другим. Даже Этьен, выдавший многое, содрогнулся, увидев вывороченные куски мяса на верхних скулах.

– Tu n'es pas Nicolas par hasard?²⁴ Николая? – повторил по-русски.

Парень пошевелился:

– Никак живой я... Больно-то как, батюшки...

И потерял сознание. Эспер достал из кармана гимнастерки документы: Калинин Николай, 1895 года рождения. Призван из Самарской губернии, деревни Удалово.

В тыловом лазарете Калининкову быстро зашили раны, залатав кожу буквально по кусочкам. На десятый день частично сняли швы. Он попросил зеркало. Сестра отговаривала, но пациент был неумолим: «Несите!»

Долго разглядывая свое обезображенное лицо, глядя швы, повязку все еще забинтованного глаза, Николай дотронулся до торчащего под бинтами кончика носа, а потом, собрав весь свой природный оптимизм, вздохнул и впервые произнес ту самую успокоительную фразу:

– С лица воду не пить.

Эспер навещал его, подбадривал. Калининков не унывал:

– Митька, друг, про горбуна рассказывал. Как его звали-то? Урод такой был, забыл, как звали...

– Квазимодо? – подсказал Эспер.

– Может, и так. Митька страсть как книжки любил. Мать, бывалыча, его ищет, а тот спрячется и сидит цельный день, пока братья в поле. Митька мне говорил про этого-то, горбатого урод. Дескать, в цыганку влюбился. И она им не побрезговала. Так, думаю, и на мою долю цыганочка найдется, – морщась от боли, смеялся, обнажая крепкие зубы.

²³ Стой! Ты что делаешь? (фр.)

²⁴ Tu n'es pas Nicolas par hasard? (фр.) – Ты случайно не Николай?

Надо отметить, что Калинин, на удивление медсестрам, больше интересовался не своей внешностью, а тем, что творилось на фронте. Узнав, что французы после поражения Нивеля забунтовали, он впервые задался вопросом:

– Они за себя воюют, а мы за кого?

Отречение царя, случившееся месяцем раньше, солдаты встретили с некоторой растерянностью. Тем не менее, выслушав объяснения офицеров, приняли присягу Временному правительству. Но сомнения в компетентности генералов усилились. Сначала зароптали французы, а позже недовольство распространилось и на русские бригады.

И вот тогда пациент, приунывший было, оживился и стал чаще просить зеркало. Может, медсестра какая-то приглянулась, может, весна в нем заговорила, но только обрадовался «русский Квазимодо», узнав, что его транспортируют в Париж для последующих операций у специалистов. Дивизионный врач Рейтборже решил: парень молодой, надо его отправить в столицу, там врачи с именем, вылечат! Этого-то самарского паренька, вынесенного с линии огня, беспомощного, полуслепого, и должен был доставить Эспер Якушев в бывший отель «Карлтон».

* * *

– Прибыли! – весело сказал Эспер, открывая дверцы кузовного отсека. – Как вы? Держитесь?

Василий и Жиль молчали, переезд давался им тяжело. Лишь неугомонный Калинин выдавил из себя знакомое:

– Са ва, – и, подумав, добавил: – Са ва тре бьен²⁵.

В Реймсе их ждал санитарный поезд-микст, то есть с вагонами для лежащих и сидячих раненых. Погрузка прошла относительно быстро и слаженно. Врачи, медсестры, снабженные многочисленными инструкциями, успевали сортировать пассажиров. Тяжелые и легкие, направленные на реабилитацию, не должны были находиться вместе во избежание моральных страданий для тяжелораненых.

После коротких переговоров Эспер убедил врача-координатора поместить всех в один вагон, который можно было бы назвать «микст» по степени поражения человеческого тела. Глядя, почти бесстрастно, на это средоточие боли, он вдруг ужаснулся жестокости своих мыслей: «Все они – калеки. Страдают и будут страдать, впадая в гнев, ярость, мучаясь от бессилия, обвинять генералов, требовать для них наказаний. Будут разрушаться, гнить заживо. Истязать своих близких, делая их несчастными, будут спиваться. Зачем их спасать? Сострадать им, зная последствия?» То, о чем он думал, было настолько кощунственным, нехристианским, черствым, настолько бесчеловечным, что иначе, как помутнением рассудка, было невозможно объяснить. Внезапно нахлынувший приступ тоски, незнакомой и непонятной, окончательно сбил с толку.

– Эспер, а у тебя подруга есть? Француженка небось? Ты мужик хоть куда. Мне-то вот теперича что делать? Где искать? – Николай, утомившись веселить вагонную публику, загрустил.

Постоянной подруги Эспер Якушев не имел. У него были лишь смутные очертания той, которую он когда-нибудь хотел назвать своей подругой. Однажды ему по ошибке попалась открытка, предназначенная санитару их взвода Бернару Ренье. На изображении – молодая парочка, его руки на ее талии, ее – на его шее. Целомудренная картинка, обрамленная цветочным вензелем. Надпись слащавая, что-то типа «лодка счастья скоро придет в свой порт». Но то, что он прочитал на обороте, обдало жаром и кольнуло ревностью:

---

²⁵ Са ва тре бьен (ça va très bien, фр.) – все хорошо, все очень хорошо.

«Позволю ли я себе сказать, что в твоих глазах видела любовь? Что твой взгляд выдавал волнение, ты весь горел... Это связывает наши души, я становлюсь рабой твоего взгляда, нашей любви. Это поглощает так, что уже не думаешь о себе. Это такое счастье, что даже слово „любовь“ не может объяснить то, что я чувствую. Только твое сердце единственное может обо всем догадаться. Любить, чтобы любить. Моя верность искренняя, что означает одновременно счастье, вечность и благородство волшебной силы любви. Тысячи поцелуев шлю моему любимому, дорогому мужу. Твоя навеки».

Бернар обладал весьма заурядной внешностью: невысокий, щедедушный, с нездоровым цветом лица, а какую силу чувств был способен вызвать! Наверняка, вернувшись из увольнительной, вспоминал последнюю ночь с женой. *Эту* ночь, и *это*, что согревало, поддерживало его. Отдавая открытку, Эспер извинился, соврал, что не читал. Бернар, рассмеявшись в ответ и на мгновение преобразившись в пылкого любовника, сказал, что не возразил бы, если бы кто-то и прочел.

Опустив вопрос о подруге, не стал расстраивать Николая, сведя разговор в чисто мужское русло и успокоив, что лицо для мужчины – не главное. Лежащие рядом раненные встрепнулись, начали делиться сокровенным, тема показалась болезненной. Даже Жиль попытался что-то сказать, да опять закашлялся. Разговор будил воображение, горячил кровь и, наверное, если бы не бинты и слабое освещение, то можно было бы видеть, как покраснел Николай, чья неискушенность в любовных делах была абсолютно очевидна. Он признался Эсперу, что так и не успел толком «с девками погулять», стеснялся.

– А ведь в деревне-то я красавцем слыл, девки-то заглядывались, – вспоминал Николай так, будто ему уже стукнуло девяносто, а не чуть больше двадцати годов от роду. – Только вот матушка у меня больно строгая. Ругалась, боялась, что обижу кого. Вернусь поздно – жди трепку.

– Так и не было никого, что ли? – спросил сидящий рядом раненый из категории легких.

– Ну как сказать... Была тут у меня одна... – Николай замолчал, и Эспер догадался, что Николай, обделенный опытом, но не воображением, готовится выдать очередную историю для поднятия морального духа. И Николай действительно начал рассказывать, да только не о своих похождениях, а друга Митьки. Того самого, у кого «волосики такие же». Рассказывал с гордостью, вздохнул, с явным уважением к таланту деревенского соблазнителя Дмитрия Орлова. У того, якобы, и барыни были, и учительницы, и девки.

– А все потому, что умный он больно. За то и любили. Невесты за него – чуть не в драку, а ему все чтой-то не по нраву. Особенную хотел, как в книжках своих...

Николай опять замолчал, прикрыв единственный глаз, задремал или делал вид. Притихли и остальные. Возбуждение улеглось, растревоженные темой пассажиры вернулись в мысли к реальности. Тело – важный элемент любви, доказывающий ее силу, нежность, красоту, мудрость и вечность, – стало просто анатомическим материалом. Безжизненным, гангренозным, зловонным, одноруким, одноногим. Они уже привыкли показывать свою обнаженность врачам, не испытывая и малейшей стыдливости. То, что когда-то покрывали поцелуями, источало боль. У раненых тел не было будущего в любви. И тяжелые это поняли особенно отчетливо, вспомнив, теперь уж навсегда потерянные, ни с чем не сравнимые ощущения силы обладания женщиной.

В дальнем углу вагона кто-то из лежащих всхлипнул, короткие рыдания перешли в плач, сначала негромкий, деликатный, потом crescendo²⁶ стало нарастать, перейдя в протяжный вибрирующий вой.

Раненые оставались безучастны. На крик подошла молодая медсестра. Попытавшись успокоить, она склонилась над рыдающим мужчиной, обхватила его обеими руками и, слегка

²⁶ Crescendo (ит.) – крещендо. Музыкальный термин, обозначающий постепенное увеличение силы звука.

обняв, прижала к себе. «Tout ira bien»²⁷, – привычно повторяла девушка, призывая оставаться сильным и верить.

«Tout ira bien. Tou – ti – ra bien», – подбадривал поезд, приближаясь к Нуази ле Сек. За час до прибытия прозвучала команда:

– Внимание персоналу! Приготовиться к эвакуации!

---

²⁷ Tout ira bien (фр.) – все будет хорошо.

Глава 4. «Однажды мы встретимся, чтобы...»

Близилось обеденное время, но для многих остановка в Нуази была промежуточной, впереди – путь к конечной станции. Некоторым предстояло отправиться в глубокий тыл, туда, где о войне знали лишь по военным сводкам, кому-то – ближе: в Париж и пригороды. Эспер разбудил спавшего всю дорогу Василия Смирнова, отметив для себя, что у того, кажется, есть надежды поправиться. Василий вообще не отличался разговорчивостью, в отличие от Николая, успевшего за три часа путешествия рассказать про себя и друга Митьку, расспросить про Париж, записать и выучить несколько слов на французском. По-прежнему беспокоил Жиль – ему становилось все хуже. Эспер, посоветовавшись с врачом поезда, принял решение сопровождать Василия и Жилья вместе с Этьеном до самого госпиталя Мишле.

– А я-то как же? – заволновался было Николай, мечтавший поскорее увидеть город, где, по словам Дмитрия, живут не просто женщины, а некие куртизанки, которые будто бы красоты неопишущей, страсти неумеренной и к тому же не сильно горды. Последнее особенно успокаивало простодушного парня, втайне питавшего надежды преодолеть природную робость.

– Да не переживай! – успокоил Эспер. – Ты с нами останешься. Едем вместе, оформим Василия и Жилья, а потом в Париж. Расстояния небольшие, от Ванва до Парижа недалеко. К вечеру успеем, тем более с таким водителем, как Этьен.

... На вокзальной площади стояла привычная суета. Носилки с тяжелоранеными спускали первыми и осторожно ставили в длинные ряды на платформе. В толпе встречающих, помимо санитаров и медсестер, можно было заметить волонтеров – городских жителей. Они выкрикивали слова приветствия в адрес своих дорогих *blésés*²⁸, с готовностью помогая транспортировать их в *hippomobiles*²⁹ и санитарные автомобили, украшенные зелеными веточками. Настроение едва ли не ликования передавалось так же быстро, как и еще совсем недавнее уныние. Николай Калинин уже успел познакомиться с проходившей мимо девушкой, угощавшей свежее испеченным хлебом. Та, сначала оторопев от его вида, заулыбалась и, уже заигрывая, поднесла к торчавшему из-под бинтов кончику носа букетик весенних цветов.

– Merci. – сказал тот, засмутившись, добавив недавно выученное «Бу зэт бель»³⁰.

Француженка, стройная кареглазая шатенка лет двадцати-двадцати трех, засмеявшись, спросила, как его зовут. Калинин, замешкавшись, представился:

– Николя... Рюсс. Самара, – произнес по-французски, с ударением на последнем слоге, постаравшись вложить максимум картавости в характерное французское «р». – А ты? Как тебя зовут? – спросил девушку уже по-русски.

– Элизабет, – новая знакомая, угадав вопрос, сделала легкий реверанс, слегка склонившись в поклоне.

– Лиза. Елизавета. Лизетт, – повторил довольный Николай, ставший отныне «Николя Калинникофф».

Эспер, наблюдавший издали за вокзальным знакомством своего подопечного, не сразу заметил спешившего к ним Этьена. Обнявшись, будто не виделись целую вечность, обменявшись новостями, друзья занялись погрузкой раненых в санитарный автомобиль госпиталя Мишле, куда накануне прибыл Этьен. Жилья транспортировали на носилках, Василий и Николай шагали самостоятельно, при этом Николай успел подбежать к Элизабет, что-то шепнуть ей на ухо и даже чмокнуть в щеку.

²⁸ Blésés (фр.) – раненые.

²⁹ Hippomobile – транспорт на конной тяге.

³⁰ Бу зэт бель (Vous êtes belle, фр.) – Вы красивая.

– Tu ne perds pas le temps³¹, – подмигнул ему Этьен. Плотный, коренастый, воплощение уверенности и силы, он двигался по перрону, то и дело предупреждая:

– Attention! Attention!³²

Николай с маргаритками в руках выглядел вполне счастливым. Шум, солнце, запахи кухни из привокзальных буфетов, крики «Поберегись!», снующие люди – вся эта земная картина, такая простая, обыденная, возвращала в реальность. Вокзал – самое духовное место на земле, потому что здесь, а не только в церкви или соборе, появляется надежда, и неважно, пункт отправки это или прибытия. Такой неожиданный вывод сделал Эспер, посмотрев на вокзальные часы:

– Все хорошо, укладываемся. Через час примерно, или чуть больше, приедем, – сказал Этьен, усаживаясь за руль. – Поехали.

... До Ванва оставалось километров десять, когда Жиль Матте перестал кашлять. Навсегда. Ему не хватило всего-то десяти километров до спасительного госпиталя, чтобы, быть может, прожить еще десять лет. В последние минуты он, уже изрядно ослабевший, перевернувшись на живот, содрогался в конвульсиях. Его рвало так, будто он разлагался заживо. Эспер, находившийся с ранеными в кузовном отсеке, подносил воду, просил потерпеть – все тщетно. Солдат Матте затих. Эспер перевернул умершего на спину, заботливо прикрыв шинелью. Несколько помедлил, прежде чем закрыть лицо – осунувшееся, строгое, с приоткрытым ртом. Эта деталь особенно ужасала, вводя в заблуждение: казалось, что сейчас Жиль закричит, заговорит, может, даже засмеется. За считанные секунды лицо превратилось в маску, на которой застыли последние человеческие эмоции: отчаяние и злость. Василий смотрел на происходящее безучастно, видя смерть в ее последовательности детально, готовясь к тому, что, возможно, ему не хватит пяти километров. Но тогда оставалось еще пять километров жизни и сейчас казалось, что это немало. Николай заплакал единственным глазом, произнес лишь:

– Прощай, друг.

Нос под твердой повязкой захлюпал, и Эспер прикрикнул:

– Прекрати! Тебе нельзя! А если швы разойдутся!

Этьен, остановив автомобиль, поднялся в кузов. Потрогав еще чуть теплый труп, крепко выругался в адрес проклятых бошей, вздохнул, заметив с сожалением, что Жиль, скорее всего, умер от слабости, и в Мишле его точно спасли бы. Затем, прочитав короткую молитву по-французски, скомандовал:

– Едем!

Когда наконец подъехали к Мишле, пред ними предстала картина ирреальной идиллии. Мирно, уютно, все было похоже на некую мизансцену из довоенного спектакля. Госпиталь окружал парк, в котором особенно чувствовалась весна с ее классическими признаками: нежная свежая зелень деревьев, щебетание птиц. Выздоровливающие пациенты валялись на траве, слышался смех, звучал граммофон. Кто-то подпевал по-французски: «C'est la valse brune»³³. Чуть дальше, на полянке, стоял стол с самоваром, вокруг на скамейках сидели французы, русские. Медсестра сосредоточенно читала «Ле пти паризьен»³⁴, иногда переводила то, что, по ее мнению, солдат точно не могло расстроить. Те вздыхали облегченно: наши держатся. «А что там, в России? Что пишут?» Медсестра пожимала плечами: «Ничего».

Не могла же она рассказать, что Временное правительство не намерено возвращать русские бригады на родину, что война, порядком надоевшая после многих поражений, вызвала гнев во французской армии. Что французские солдаты бунтуют, но репрессиям подвергают их,

³¹ Tu ne perds pas le temps! (фр.) – Ты времени не теряешь.

³² Внимание, осторожно!

³³ «La valse brune», популярный французский шлягер, написанный в 1909 году Жоржем Вилларом и положенный на музыку Жоржем Крие.

³⁴ «Ле пти паризьен» – «Le Petit Parisien» – французская газета, издавалась в период 1876–1944 гг.

а не бездарных генералов. Что правительство Франции, встретившее с такой помпой красавцев из России, теперь не знает, как от них избавиться, опасаясь после февральской революции волнений в русских дивизиях. Что новость об отречении царя повергла офицеров в состояние некоторой растерянности, что грядут перемены, еще более трагичные, для тех, кто совершил изнурительное морское путешествие из России во Францию. Обо всем перечисленном можно было лишь догадываться по тревожным сообщениям, но пока пациенты пребывали в неведении, наслаждаясь весной и покоем.

В самом госпитале аппетитно пахло борщом, забивающим запах лекарств.

– Борч? – изумился Этьен, известный гурман, выговорив самое известное блюдо русской кухни на свой лад.

– Эх, тарелочку бы борщеца, соскучились мы, правда, Василий? – Николай вопросительно посмотрел на Эспера.

Тарелочку борщеца прибывшим пообещали налить после оформления всех бумаг. Что ж, жизнь не сдавалась, и ей наплевать было на то, что рядом, в забрызганной весенней грязью санитарной машине, лежал труп, которому не хватило всего-то десяти километров. Тело Жиля Матте перенесли в специальное помещение, мертвецкую. Медсестра отдала Эсперу личные вещи умершего, попросив переслать родным в Безансон. Василия Смирнова после предварительного осмотра поместили в больничную палату. Врачи пообещали положительный исход и постепенную реабилитацию. Впервые за день он улыбнулся – слегка, вымученно и, пытаясь что-то сказать, тут же захлебнулся в кашле, заглушившем нежные звуки мандолины, доносившиеся из соседней комнаты. Наскоро перекусив, друзья стали прощаться.

– Ну, бывай, брат, – все трое пожали руку Василию и отправились в Париж.

Эспер открыл маленький пакет – в нем было то, что осталось от Жиля. Простая, даже не серебряная, цепочка, на которой висели крестик и кулончик с образом Девы Марии, крошечный медальончик с фотографией улыбающихся женщины и девочки, несколько открыток. Одна из них, датированная началом марта 1917 года, адресовалась либо другу, либо родственнику и по какой-то причине не была отправлена. Черно-белое изображение бульвара Мадлен – типично парижский вид. На обороте – жизнь, еще не прикрытая шинелью:

«Мой дорогой Александр, отвечаю на твое любезное письмо, которое получил сегодня в полдень. Вижу, что ты верен нашей традиции, думаешь обо мне. Я тоже ничего не забыл, вспоминаю время, которое мы провели вместе. Ведь для тебя тоже скоро наступит час, когда ты должен будешь покинуть дом, в котором родился. Оставить то, что было для тебя таким дорогим, и в течение нескольких лет быть среди людей жестоких, порой грубых, которых невозможно понять. Но, очень верю, это не продлится долго, что и должно успокоить.

Однажды мы встретимся, чтобы прожить нашу прерванную жизнь счастливо, тихо. Пользуюсь случаем, чтобы сказать тебе пару слов сегодня, так как в пятницу, завтра, у нас будет пеший поход. Мы уйдем в час ночи, чтобы вернуться только вечером в восемь часов. Как нам достанутся эти километры, особенно тем, кто не имеет привычки ходить пешком? У меня определенно будут болеть ноги. В ожидании твоих новостей, мой дорогой, Александр, шлю наилучшие пожелания. Тебе и твоим родителям. Жиль».

В это же время была написана открытка жене, мадам Эвелин Матте, также по какой-то причине не отправленная. Может, Жиль чего-то ждал, может, хотел еще что-то дописать, а может, и просто из-за суеверия решил не торопиться. Типичная любовная открытка с изображением влюбленной пары. Женщина полулежала на волчьей шкуре спиной к сидящему рядом мужчине, слегка повернув голову в его сторону. Правой рукой он нежно сжимал лодыжку дамы, левой – обнимал любимую, притягивая к себе, намереваясь слиться в долгом поцелуе. Рядом с названием открытки «Мое счастье» Жиль приписал неровно, мелкими буквами: «...это прижать тебя надолго к моему сердцу и соединить наши губы на всю жизнь». Будто хотел, чтобы никто, кроме нее, не прочел, что же такое было для него счастье.

«Моя маленькая дорогая Лин! – нежно обращался Жиль к жене одним им знакомым словом. – Отправил тебе открытку вчера, думаю, ты обрадуешься. Тем более что в ней кое-что есть! Ты найдешь и скажешь мне. Я получил от тебя письмо сегодня, 25-го, оно запоздало, уже старое, но ты всё равно пишешь каждый день.

Не жди меня скоро, любимая... Завтра после обеда мы свободны, у меня будет время, подумаю о тебе и напишу снова. Как дочки? Крошка Люлю, мама? Будьте осторожны в холода! Потому что весна не спешит, все еще прохладно. Ну а я ночью зарываюсь в солому! Моя Лин... Когда же мы будем вместе, как на этой открытке. Ты, как и я, знаю, так бы того хотела. Но это будет... Если бы только дали увольнительную поскорее. А в общем, все хорошо. Буду заканчивать, любимая, маленькая девочка. Мои губы соединяются с твоими, целую тебя нежно, моя дорогая. Тысячу поцелуев шлю моим малышам и маме. Привет месье Лемаи, поблагодари за отправленную бутылку вина. Оно было замечательным. Люблю тебя».

По эмоциям и смыслу письмо напоминало то, что он когда-то случайно прочитал от жены Бернара. Здесь – тот же кусочек страсти, только от мужа – жене. Эспер привык ко многому: трупам, уродливости смерти и человеческих тел, чужой боли, постепенно становясь безучастным, воспринимая виденное как нечто логичное, неизбежное. Но, вспомнив лицо покойника, застывшие на нем злость и отчаяние, едва сдержался, чтобы не застонать. Было невозможно представить себе Жилья в жаркой любовной сцене с «маленькой Лин». Синие губы, полуоткрытый рот, заострившиеся скулы, слипшиеся на лбу волосы, мужская плоть, съжившаяся от стыда и бессилия, омерзительный запах рвоты дисгармонировали с нежностью и чувственностью послания, вызывая одновременно жалость, удивление и даже отвращение.

И наконец, третья открытка, написанная детским почерком, была отправлена первого января 1917 года из Безансона: *«Мой дорогой папа, шлю тебе наилучшие пожелания. Желаю счастливого Нового года и прошу бога закончить войну быстрее, чтобы тебя увидеть. Маленькая Мари-Луиз, наша малютка Люлю, очень мила, спокойна, тоже шлет пожелания и просит Иисуса за тебя. Твои маленькие дочки: Сильви и Мари-Луиз».*

«Однажды мы встретимся, чтобы прожить нашу прерванную жизнь счастливо, тихо», – перечитал Эспер слова, обращенные к неведомому Александру.

Прожить жизнь счастливо и тихо еще не удавалось ни одному поколению.

Глава 5. Мартина

1917 год. 5 мая. Париж

Они приехали в Париж чуть раньше наступления сумерек. Город готовился к ночи. Ничто или почти ничто не напоминало о войне. По Сене курсировали прогулочные пароходы, по улицам спешили извозчики, рестораны открывались для вечернего ужина. Погода стояла чуть прохладная, парижане были одеты тепло, хотя уже и не по-зимнему, в неизменных шляпах и шляпках. Въехав на Елисейские поля, Этьен остановился, предложив Николаю и Эсперу выйти подышать.

– Ух ты! Париж! Наконец-то! Митька рассказывал! Он же тут на параде в прошлом году прошелся³⁵. – Николай, выпрыгнув из машины, огляделся, впившись единственным глазом в Триумфальную арку. – Ух ты! Батюшки мои, вот это красота!

Прохожие, видя мужчин в военной форме, а одного – с перебинтованным лицом, оставались. Проходившая мимо дама, посмотрев на Николая, вздохнула:

– Le pauvre³⁶...

Тот весело заметил:

– Не бойся, мамаша. Лечиться еду. Глаз, понимаешь, глаз, – он ткнул пальцем в забинтованный глаз, добавив по-французски: «Лой!»³⁷ Лечить будут «лой», а потом я еще к тебе сватов зашлю. Дочка есть?

– Надо говорить: мадам, – Эспер, переведя, засмеялся, женщина улынулась, а потом обняла Николая, погладила его светлые волосы, дотронувшись осторожно до марлевой повязки:

– Tout ira bien! – успокоила знакомой уже фразой.

Николай, засмущавшись, сказал «мерси», добавив:

– Мадам! Мерси, мадам!

– On y va. Поехали! – привычно скомандовал Этьен, и путники сели в машину. До госпиталя оставались считанные метры.

Друзья еще ранее договорились, что все формальности по устройству Николая возьмет на себя Эспер. Это было понятно – Этьену хотелось хотя бы лишний час провести с женой, а Эспера никто не ждал. Его близкие по-прежнему оставались в Петрограде, письма приходили редко. Прасковья Ивановна щедро делилась новостями о том, как живут знакомые, дальние родственники, но скупно писала о себе, сестре, Георгии, давая понять, что все меняется и, скорее всего, будет меняться. Одной лишь фразой обмолвилась, что у сестры завязался роман с неким молодым коммерсантом, но маман ему не верит, говорит, какой-то «скользкий». Уверяла: все живы-здоровы, правда, отец жалуется на боли внизу живота, справа, а у нее появилась одышка. Все расскажет потом. Когда же наступит это «потом»... У Этьена есть и «сейчас», и «потом». Напарника встретит жена, впереди у них целых две ночи вместе. Сейчас. И, может, потом. А Эспера опять ждут холод и одиночество пустого дома в Мезон-Лаффит.

– Прибыли! – Этьен радовался больше всех, уже представляя сервированный стол с приборами для особых случаев. Нарядная скатерть, бронзовый подсвечник, бутылка отличного бордо. Его дорогая Камилла, покрасневшая от радости, вносит мясное рагу, любимое блюдо.

---

³⁵ 14 июля 1916 года отдельные подразделения русских бригад приняли участие в параде, традиционно проводимом в день национального праздника – Дня Бастилии.

³⁶ Le pauvre (фр.) – бедный.

³⁷ Лой – от фр. l'œil – глаз.

Ужинают не спеша, говорят об общих знакомых: «Как там Поль? Вернулся? А Одиль родила? Девочку? Чудесно. Мадам Б. умерла? Какая жалость». Потом вместе уберут посуду и... Этьен даже прикрыл глаза, просто физически ощутив теплоту, мягкость тела Камиллы, представив ее пышные формы, разметавшиеся на подушке волосы. Его охватил такой прилив острого, почти до боли, желания, что он отвернулся, и, боясь выдать свои мысли, накинута на Николая:

– Qu'est-ce que tu cherches?³⁸

Николай, всю дорогу державшийся бодро, вдруг оробел перед воротами презентабельного здания госпиталя, на который возлагал столько надежд. Он суетился, шарил по карманам, без конца повторяя:

– Батюшки-мои, да куды я ее дел? Иконку-то мою... Матушка ж дала. Всегда ж со мной была... Неужто выпала? Там, в Мишле? Когда Жиль-то помер, доставал ее... Помолился крадча, все за глаз просил. За упокой-то уж поздно было. Теперича не найду, как же без нее-то... – сокрушался Николай.

– Ne pleure pas, sinon tu perdras le deuxième oeil!³⁹ – Гляз! Гляз, – для убедительности Этьен повторил по-русски, смешно прищурив оба глаза, изобразив слепого. Потом запрыгнул в кузов и спустя минуту показался с крошечной иконой Николая Чудотворца. – Там была твоя иконн. Tiens!⁴⁰

– Спасибо, браток, – обрадованный Николай поцеловал иконку, обняв Этьена, причитая, что теперь-то ему ничего не страшно, уж святой-то угодник Николай поможет.

– Давай-ка ты домой поезжай, а то рагу остынет, – Эспер хлопнул товарища по плечу. – Мы справимся. Врач, думаю, завтра будет. А сейчас Николая определяю в палату, пусть отдыхает.

– Ладно. Ждем тебя. Комната есть, переночуешь. Рагу оставлю! Приедешь?

– Посмотрим, – неопределенно ответил Эспер. – Ты поезжай. Пройдусь немного, а там посмотрю, может, и к себе поеду. Хотя вряд ли. Поздно уже, ты же знаешь, что завтра все равно в Париже надо быть, в штаб к нашим зайти.

Они простились, договорившись встретиться в любом случае рано утром послезавтра на Восточном вокзале. Николай почти успокоился и, вернувшись в свое прежнее благодушное состояние, смело пошел на осмотр к дежурному врачу.

Русский госпиталь занимал помещения роскошного отеля «Карлтон», расположенного недалеко от Триумфальной арки. Богатый интерьер сохранился почти без изменений, лишь сильный запах лекарств выдавал больничное учреждение. По коридору прохаживались больные, мирно беседуя на русском и французском языках. Заглянув в комнату, откуда доносились звуки фортепиано, Эспер узнал Анну Ильиничну Ковалеву, супругу капитана из третьей бригады, последовавшей за мужем во Францию. Их родители были знакомы, дружили. Прасковья Ивановна даже как-то написала, что Анечка сейчас в Париже, работает в русском госпитале.

– «Разлука»? – Эспер приблизился к старому пианино, наиграв знакомую мелодию ноктюрна Глинки. – Маман тоже его играет.

– О, Эспер! – обрадовалась Ковалева, тут же перейдя на французский. – Новости есть? Родители пишут? Как они? Остались? Приедут? Когда? Как вы? Что там?

Ему был понятен интерес ко всему, что происходит там, в другом мире, называемом войной, но он так устал, а желание прогуляться по весеннему ночному Парижу настолько переполняло, что Эспер ограничился коротким ответом в стиле французов:

– Tout va bien. Все хорошо.

³⁸ Qu'est-ce que tu cherches? (фр.) – Что ты ищешь?

³⁹ Ne pleure pas, sinon, tu perdras ton deuxième oeil! (фр.) – Не плачь, а то потеряешь второй глаз!

⁴⁰ Tiens! (фр.) – Держи!

Мадам Ковалева, догадавшись о состоянии посетителей, закрыла крышку пианино, пригласила в маленькую комнатку, служившую административным помещением. Все формальности заняли немного времени. Николая сопроводили в палату, где он тотчас же начал знакомиться с пациентами, рассказывая про ранение и надежды восстановить свой «лойд». Врач-офтальмолог должен был его осмотреть завтра. Больные, как и бывает в подобных случаях, принялись делиться историями со счастливым концом, и Николай окончательно воспрянул духом. В который уже раз за этот тяжелый бесконечный день Эспер протянул руку для рукопожатия. Затем, обняв парня, к которому проникся симпатией, напомнил:

– Так ты не забудь фотографию выслать, когда подлечишься. Может, и цыганочку найдешь к тому времени.

Николай расчувствовался, вспоминая о том, как Эспер нашел его, полумертвого, среди сотен трупов в третий, провальный, день наступления Нивеля. Дискуссия тут же приняла военный оборот: раненые ругали Нивеля, поддерживали начавшийся бунт французских солдат, последними словами крыли Петена⁴¹, потом перешли на российские темы: отречение царя, Временное правительство, полковые комитеты.

– Да нас за людей не считают! Кого в атаку первых ставят? Русских!

– Это, как сказать. Про атаку-то... Тут француз один мне поведал, что еще до команды вскакивает, первым бежит и по прямой. Говорит, успевает несколько метров пробежать до того, как немцы тир-круазе⁴² начнут, вот он и целехонек. Ни одного ранения за три года.

– Целехонек! Может, он и целехонек, а мы тут валяемся! Никому не нужны, ни своим, ни французам! На ружья нас обменяли!

– Давеча спросил у капитана нашего, что там, в Рассеюшке-то? Молчит, леший, глаза отводит.

Эспер закрыл дверь палаты и вышел. На протяжении двух последних недель он постоянно слышал похожие споры, доходящие не просто до крика, а уже и до драки. В армии творилось невообразимое, французов умирал Петен, а что делать с русскими солдатами, никто не знал. Но сейчас думать об этом не хотелось. Сейчас уроженец Санкт-Петербурга Эспер Якушев пройдет по Парижу, заночует, скорее всего, где-нибудь в гостинице, потому что в Мезон-Лафит ехать уже поздно, а мешать Этьену любить свою жену он не станет.

Свободен! Две ночи и целый день завтра – сколько же это часов свободы, надо посчитать! Свобода, конечно, относительная, что подтверждает командировочное удостоверение – «*Ordre de mission*», лежащее в кармане. Завтра сержант Якушев должен явиться в штаб ведомства на улице Христофора Колумба. Ему захотелось погладить важную бумагу. Порывшись в карманах, Эспер остановился: документа не было. Забыл в госпитале! Черт! Вечная его рассеянность! Оставил, видимо, когда оформлял Николая. Развернувшись, бросился назад по больничному коридору и в этот момент услышал:

– Monsieur Yiakoucheff! C'est à vous?⁴³

Девушка в платье сестры милосердия, улыбаясь, помахивала бумажным листком с приказом о командировке. Ее строгая одежда, как и положено, скрывала практически все, оставляя свободными лишь руки и лицо. Матовая кожа, карие глаза под широкими густыми бровями, темные кудряшки волос, выбивающиеся из-под плотно завязанной косынки, выдавали в ней либо итальянку, либо испанку. Спустя годы, вспоминая их первую встречу, он всегда задавался вопросом: что ж его кольнуло? «Кольнуло» – почему-то именно это слово приходило на ум, едва воссоздавал в памяти тот момент. Голос? Да, наверное, голос – непривычно звонкий, но

⁴¹ Филипп Петен (Henri Philippe Benoni Omer Joseph Pétain) – французский военный и государственный деятель, маршал Франции.

⁴² Tir croisé (фр.) – перекрестная стрельба.

⁴³ Господин Якушев? Это ваше? (фр.)

нерезкий, мелодичный. Голос женщины для него всегда значил больше, чем внешность. Или, может, что-то другое, неуловимое, надежное и сильное захватило сразу и навсегда.

Эспер поглядел на нее несколько дольше, чем того требовала ситуация, представив за униформой и стройную фигурку, и крепкие ноги, и все остальное, по чему так скучал, чего так не хватало там, откуда только что прибыл. Девушке, привыкшей к откровенным взглядам, пауза не понравилась.

– Берите и не забывайте, – добавила строго, намереваясь уйти.

– Благодарю вас. Нет, не забуду, – сказал он, продолжая с интересом разглядывать незнакомку. – Хотя, если вы будете находить, согласен потерять еще раз.

– Вы русский? – она оттаяла. – Вы так хорошо говорите по-французски. Я учу русский, поэтому здесь, в этом госпитале. А вы откуда? О! Санкт-Петербург? Вы там родились?

Так и познакомились. Разговорились. Ушли вместе.

Медленно брели по ночному Парижу, спустившись по Елисейским полям к площади Согласия, затем повернули в сторону площади Мадлен, оттуда двинулись к вокзалу Сен-Лазар, где неподалеку жила Мартина. Город готовился к лету: кафе, рестораны, закрытые на зиму, уже открылись, из окон доносились смех, стук тарелок, звуки аккордеона, хор голосов, подпевающих фальшиво, но дружно «Ah! Si vous voulez d'amour, ne perdez pas un jour»⁴⁴.

Кому-то совсем рядом было очень весело. «Ах, ах, ах, торопитесь! Если хотите любви, не теряйте ни дня», – пели, прихлопывая в такт, разгоряченные вином и весной молодые парижане. На какие-то доли секунды Эсперу показалось, что прошло не несколько часов, а несколько лет после всего того, что случилось за день: ранний выезд, санитарный поезд, стоны тяжелораненых, встреча с Этьеном, запах борща в госпитале Мишле, смерть Жилия, иконка Николая и темноволосая француженка, помахивающая командировочным удостоверением: «Это ваше?»

– Мартина, – произнес еле слышно, скорее, машинально, в продолжение своих мыслей. – Мартина, – повторил громче.

– Что? – она замедлила шаг.

– Хорошо, правда? Весело им! – повернувшись к ней, напел на французском, повторив на русском: – Car c'est le printemps, profitez du moment! Так ведь? Это весна, наслаждайтесь моментом!

– А! Вот вы о чем! – засмеялась Мартина, подхватив: «Ах, если хотите любви, не теряйте ни дня!»

Остаток пути шли, взявшись за руки, смеясь и громко напевая: «Ах, ах, ах, ах, давайте, торопитесь! Ловите момент!» Но, остановившись перед массивной дверью дома, где жила Мартина Кабель, оба смутились.

– Пришли. Вы... Вы, наверное, устали? – в некотором замешательстве спросила она. – Вы... Поедете к себе?

– Да, да, конечно. Не смею вас задерживать. Не беспокойтесь, остановлюсь в гостинице.

– Эспер... Мне кажется, что вы... Вы...

– Да-да! Опять потерял удостоверение! Или потеряю...

– Вы его положили сюда, – Мартина протянула руку к внутреннему карману шинели. Рука пахла лекарствами. Эспера почему-то всегда, с самого детства, успокаивал и одновременно волновал этот запах. Он нежно погладил пальцы девушки, поднес к губам и, поочередно поцеловав, легко сжал их. Затем, не отпуская, положил ее руку себе на плечо. Мартина ощутила тепло его затылка, успев удивиться: «Надо же... Такой теплый. А мне говорили, что в России всегда холодно, и русские такие холодные...».

⁴⁴ «Ах! Если хотите любви, не теряйте ни дня» (фр.) – популярная французская песня начала XX века (1907 г.).

* * *

В ее небольшой комнате, чуть просторнее, чем *chambre de bonne*⁴⁵ было чисто и тепло. Через маленькое оконце под самой крышей проникал свет ночи. Их первой ночи. Оба ни на секунду не сомневались в том, что именно так, а не иначе и должен был закончиться этот богатый событиями день. Стеснение, условности, приличия, правила, законы и каноны – все отступало и казалось ненужным, второстепенным перед мгновением, соединившим двух людей. На одну ли ночь, неделю, месяц или жизнь – они не задумывались. Неважно. Двум людям в маленькой комнате на верхнем этаже дома, почти под крышей, и другим двум, после отличного ужина с мясным рагу и бутылкой бордо, было очень, очень хорошо. «Ах! Если вы хотите любви, не теряйте ни дня».

Мартина, унаследовавшая грацию матери-испанки, была прекрасно сложена. Эспер нежно проводил пальцем по ее обнаженному бедру, целуя, шептал: «Моя испанская маха». Ей сравнение не нравилось, она сердилась, обнимая и прижимаясь к этому странному русскому, в котором одновременно сочетались сила и мягкость. С ним было спокойно и страшно. «Бедный, бедный мой мальчик», – услышал Эспер сквозь сон, удивившись тому, что мама наконец приехала, а он и не ждал.

В это же самое время другая женщина крепко спала, закинув пышную ножку на тело любимого мужа. У Этьена затекло плечо, ломило в коленке, но он боялся пошевелиться, чтобы не разбудить жену, свою дорогую Камиллу. Потом осторожно высвободил ногу, тихонько сполз на край кровати, присел, посмотрев на часы.

Близилось утро, майское утро 1917 года.

1917 год. 6 мая. Париж

Он встал рано. В последнее время его мучили причудливые видения, в которых почему-то не было неба. То подземелье, то подвал, то некий дом с бесконечными лабиринтами коридоров. То он плутал в поисках выхода, задыхался, выходил на улицу и опять попадал в темноту. Но в эту ночь темный сон миловал – Эспер впервые за долгое время отдохнул. Перед уходом лишь поцеловал пятку Мартины, вылезшую из-под одеяла.

– Уже? – пробормотала та и снова провалилась в сон.

– Да-да, увидимся, – он еще раз припал к теплой шершавой пятке, слегка пощекотав ее. Мартина не среагировала.

В штабе его встретил полковник Кюссе. Обменявшись обычным приветствием, перешли к делу.

– Как там?

Вопрос был абсолютно бессмысленный, и оба это понимали. О ситуации на фронте после наступления Нивеля знали все: потери – огромные, одних только убитых в русских бригадах – почти тысяча, раненых – чуть не в пять раз больше, госпитали переполнены. И это всего за три дня! Потери среди французов – колоссальные. Командующий русскими войсками во Франции генерал Палицын⁴⁶ сразу после взятия деревушки Курси провел торжественный смотр войск, благодарил, обещал награды. Храбрость, мужество, подвиг – слова взлетали в апрельское небо, где уже радостно пели птицы: «Домой! Домой! Домой!»

---

⁴⁵ *Chambre de bonne* (фр.) – комната горничной.

⁴⁶ Федор Федорович Палицын – генерал, командующий русскими войсками во Франции.

Домой. Домой захотели французы, подняв первую волну недовольства. Бунт, еще более политизированный и организованный, перекинулся на русские бригады. Приближался день первого мая по русскому календарю, активисты из рабочих и солдатских комитетов включились в хор, начатый французскими солдатами: «Liberté, égalité, fraternité» – свобода, равенство, братство.

– Есть информация, что на тринадцатое мая, то есть через несколько дней, в бригадах планируется манифестация, – заметил Кюссе, глядя куда-то мимо Эспера, будто озвучивая то, о чем напряженно думал в последнее время. – Чего ждать... Не знаю. Палицын придет, но...

И об этом Эспер догадывался. О том, что могло бы последовать за этим «но». Палицын стремительно терял свой авторитет в русской армии и не только он. Неопределенность настоящего, а главное – будущего, подавляла офицеров, оставляя их в состоянии смятения и растерянности. Отдаляясь, они не знали, как действовать и к чему призывать в беседах с солдатами. Генерал Лохвицкий, командир первой особой пехотной бригады, к которой относился санитарный взвод Эспера Якушева, докладывал, что моральное состояние солдат отличное, русские хоть завтра готовы к новому наступлению. Генерал Марушевский, начальник третьей бригады, был более осторожен в своих донесениях, призывая офицеров честно рассказывать о том, что происходит в России. Пока еще солдаты, воспитанные в преданности царю, власти, держались, но смутное время приближалось, и фаталист Эспер не мог этого не чувствовать.

– Впрочем, подождем, – успокоил сам себя Кюссе. – На самом деле мы вас вызвали для того, чтобы сообщить что, скорее всего, вы в ближайшем будущем будете переведены в ранг адъютанта-переводчика. Ваши обязанности следующие...

Кюссе что-то говорил, говорил. Опять же звучали слова о доблести и чести, сулилась награда – Военный крест, сыпались уверения и заверения. Полковник задавал вопросы и сам же на них отвечал. Эспер слушал и не слышал. Он видел Мартину, изгиб ее восхитительного тела, пышные волосы, в которые хотелось зарыться с головой. Он улыбался, и Кюссе, принимая улыбку на свой счет, тоже успокоился. На самом деле штабной офицер, конечно, не верил всем тем заученным фразам – плавным, скучным и тоскливым. Ему давно хотелось тайно уехать, сбежать куда-то подальше, прихватив с собой очаровательную малышку Мари. Его не волновало, что в Петрограде осталась семья, что в России совершенно запутались возомнившие себя спасителями страны его бывшие однокашники. Он предвидел еще более страшные события и не находил в себе ни доблести, ни той самой чести, чтобы выйти и крикнуть во все горло: «Домой! Домой! Достаточно. Хватит».

Мужчины не подозревали о мыслях друг друга, но если бы некая мистическая сила вдруг заставила их произнести мысли вслух, наверняка это было бы комично! К сожалению, или к счастью, особенность человеческой породы – умение мыслить – становится величайшим недостатком в момент, когда другая человеческая особенность – умение говорить – вступает в схватку с первым. И тогда – либо выдаст, либо прикроет.

Так размышлял Эспер, выйдя от Кюссе, радуясь, что разговор получился дружеским, не очень долгим, что есть какие-то маломальские перспективы в будущем, которого вообще-то нет, зато есть настоящее, то самое настоящее, ожидающее его на вокзале Сен-Лазар. Не сейчас, а через несколько часов. То есть в будущем, но это ближайшее будущее, и оно уж точно будет.

– Разрешите идти? – отчеканил сержант Эспер Якушев, номер 11366, чуть не проронив: «Мартина. Такая моя, родинушка...»

– Разрешаю, разрешаю, – снисходительно улыбнулся штабной офицер полковник Кюссе, сдержав тайное: «Мари, ma petite chérie, моя малышка».

* * *

Проснувшись, Мартина нашла записку: «Вокзал Сен-Лазар. Жду. Едем в Мезон-Лаффит, ко мне, к нам». Внизу Эспер пририсовал солдатику, стоящего под вокзальными часами. Из глаз льются огромные, как чашки, слезы. Обе руки приложены к груди, где находится сердце. Но его там нет. Оно в руках девушки, одетой в форму медсестры. И подпись: «Твой Эспер. 1917 г., 6 мая». На часах указано время свидания.

Да... Иногда для выражения чувств не обязательно складывать поэмы. Достаточно взять в руки карандаш и сделать крошечный рисунок, который, несмотря на карикатурность, будет излучать столько любви и нежности, что и через столетия вызовет ревнивые вздохи у романтических девушек: «Эх... где бы найти такого Эспера».

Мартина вышла из госпиталя немного раньше обычного и, волнуясь, направилась к месту встречи. Их отношения развивались настолько стремительно, что она несколько раз останавливалась: «Нет! Он не придет! Нет!» Но ночной знакомый ждал: в толпе людей под часами выделялась его высокая фигура. Встретились! Это была красивая пара – статные, темноволосые, одетые в соответствии с модой и временем. На нем – военная форма, на ней – шляпка, светлая юбка и такой же светлый жакет. Обычно за такими парочками охотились фотографы, делая из наиболее удачных снимков любовные открытки. Изображения дополнялись розочками, ангелочками и слащавыми подписями: «Мое счастье, искренне ваш».

– Месье! Мадемуазель! Фото на память? Oh! Charmante! – Подбежавший к Мартине и Эсперу фотограф, выхватив опытным взглядом пару в гуще людей, сыпал комплиментами и, не давая времени на размышления, устанавливал аппаратуру.

– С удовольствием! – неожиданно для себя сказал Эспер, слегка приобняв смущенную девушку.

Вокзальная площадь повеселела – это выглянуло капризное парижское солнце. Нежаркое, весеннее, скупое. В парке госпиталя Мишле раздались звуки мандолины, и Василий Смирнов еще успел услышать начало знакомой песни. Сияясь вспомнить слова, он так и умер счастливым, к величайшему разочарованию врачей, опровергнув их прогнозы. Его тело положили рядом с Жилем Матте, опять бок о бок, в мертвецкую, о которой все пациенты знали, но никогда не говорили.

В эту самую минуту во французском Безансоне заплакала маленькая девочка, крошка Люлю, а в далекой России тяжело вздохнула пожилая женщина. Николай Калинин достал иконку своего святого, помолился, Этьен Ардэн доел остатки рагу, со вновь вспыхнувшим желанием поглядев на Камиллу. Дмитрий Орлов из Самарской губернии, поглаживая заживающий шрам на шее, в который уж раз читал мартовский номер «Ле пти паризьен» об отречении царя, изредка переспрашивая незнакомые французские слова. Генералы – русские, французские, немецкие и прочие – строчили донесения, рапорты, разрабатывали хитроумные планы, солдаты готовились к бунту. В мире шла война. А двое смеющихся людей позировали для фотографии на память.

«Отличный снимок. Отнесу месье Деле на бульвар Сабастополь», – прикидывал фотограф, надеясь удачно продать фото. Оно и в самом деле подходило для печати любовных открыток, символизирующих полное и вечное счастье. Правда, на его скоротечность указывали вокзальные часы за спиной у влюбленных, и это могло не понравиться месье Деле. Застывшие на изображении стрелки демонстрировали обреченность мгновенья, пусть и радостного, но уже прошлого. Кто знает, что будет в будущем? Поразмыслив, фотограф решил заретушировать цифры на часах, пририсовав цветочный вензель и подписав внизу: «Два сердца – одна любовь».

Месье Деле фото понравилось, но с тиражом решили повременить. На мужчине была военная форма, а это могло не понравиться уже кое-кому рангом выше. Не то время, не тот фон и, главное, не тот сюжет – солдат должен показывать храбрость, а не впадать в сентименты.

Фото так и осталось в единственном экземпляре, чтобы даже через сто лет восхитить: красивая пара! Молодая женщина держит руки за спиной, ее юбка слегка приподнялась от порыва ветра. Мужчина сохраняет выправку, стоит прямо, обнимает подругу, повернув лицо в ее сторону. Вокзальные часы, обрамленные пририсованными цветочками, показывают время: 14:30.

Видимо, ретушь стерлась. А может, и фотограф передумал, оставив все, как есть: 14:30, майский день 1917 года.

* * *

Людей в поезде было немного, им удалось найти места. Мартина села напротив, тут же вытащив книжку: русско-французский медицинский словарь. Она старательно повторяла слова, фразы, иногда переспрашивая Эспера:

– Поч-ка... Лек-кие... Печен... Гляз...

– Посмотри на меня, покажи твои гляза, – смеясь, Эспер взял руки Мартины в свои, захлопнув книгу. – Я их целый день не видел. А про гляз Николая ты мне рассказала.

Со слов Мартины он уже знал, что консультация с офтальмологом прошла успешно, слепым Николай не останется, хотя на полное восстановление зрения надеяться не стоит. В большей степени пострадало лицо, врачам челюстно-лицевой хирургии придется потрудиться, чтобы вернуть пациента к нормальной жизни.

– Да-да, с ним все в порядке. – Мартина Кастель вдруг признала, что если бы не тот изувеченный солдат, быть может, никогда она не встретила бы другого русского. Ей, воспитанной в строгой католической семье, будущий избранник рисовался иным: веселым, крепким, надежным и понятным. В Эспере чувствовалась глубина, но одновременно какая-то неуловимая, на грани легкомыслия, слабость. Такие не предают, не способны осознанно ранить, такие будут бороться за кого-то из последних сил, но в критический момент легко отступят от самих себя, не потратив и малой доли тех самых сил. Не придавая собственной жизни особой ценности, живут ярко, но сгорают быстро.

Она с удовольствием осматривала дом, находя его очень уютным. Здесь всего было много: книг, безделушек, салфеточек, подушек и подушечек, фотографий в рамочках и альбомах, портретов в тяжелых рамах, зеркал, картин. В кружевном затейливом убранстве, как ни странно, ощущалась гармония, каждая мелочь дополняла другую. Казалось, убери пару статуэток, и дом обидится. Мартина это сразу поняла, принявшись знакомиться с портретами домочадцев.

– Твоя сестра? Красавица! А это ты? С братом? О, какие милые! Твоя мама в Ницце? А это кто? Такой строгий, с усами? Папа? Брат? – она перебирала фотографии, подметив сходство между членами многочисленной семьи Якушевых. Эспер отвечал неохотно, не вдаваясь в подробности. Мартина, почувствовав его смятение, захлопнула альбом и подбежала к роялю.

– Здесь много пиль, – сказала по-русски и, найдя под крышкой войлочную тряпочку, тут же принялась протирать пыль. Клавиши откликнулись недовольно, в воздухе повис до-диез, он же ре-бемоль первой октавы, которому требовалось время на успокоение.

– Да, пили здесь частенько, – засмеялся Эспер, – а теперь только пыль осталась. Он объяснил разницу между «пили» и «пыли», Мартина залилась смехом.

Растрепанная, с тряпкой в руках, простая и доступная, она стояла рядом со старым расстроенным роялем. ...Вот сейчас прибегут их дети с улицы, скажут, что проголодались, усядутся, будут пинать друг друга под столом, мама сделает замечание, а папа даст по лег-

кому шелчку каждому. И позже, спустя годы, эта реально-ирреальная картина представлялась Эсперу в малейших деталях. Отчетливо – до боли и слез. Он приблизился к Мартине, обнял ее, трепка выпала. У них совсем не было времени на пыль.

1917 год, начало октября. Париж

«Испанская матрона», как шутливо называл подругу Эспер, выправку имела горделивую, но в обиходе была проста, душевна, щедра. Видеться им приходилось лишь в короткие увольнительные, нечасто, зато письма и открытки летели навстречу друг другу регулярно, пересекаясь в тех же почтовых отделениях, может, даже лежали совсем рядышком, скучая и ожидая, когда их возьмут в руки, поглядят, поцелуют, перечитают.

Мартина – Эсперу:

«Мой дорогой, не мучайся по поводу того, что ты мне не писал. У меня же десять твоих открыток! Знаю прекрасно, что у вас не всегда есть время. И знаю, что ты меня не забываешь. Ты тоже знай, что моя любовь – навсегда, и я тебя люблю все сильнее и сильнее. За этой открыткой последуют мое письмо и дневник. Была рада побывать у наших друзей Этьена и Камиллы, они нас любят. Стараюсь не скучать, но ты тоже не грусти, еще пять дней, и мы будем вместе. Обнимаю тебя, до скорого, время пройдет быстро. Твоя...» – аккуратным почерком выводила MARTINA адрес Monsieur Espère Yiakoucheff, отправляя короткое послание в первую особую дивизию, санитарный взвод номер один, город Шомон, департамент Верхняя Марна, где располагались части французской армии, в состав которых входили первая и третья бригады Русского экспедиционного корпуса.

Она всегда тщательно выбирала изображение. Трокадеро, бульвары, фонтаны, опера, мосты! Все-таки мост – еще раз об этом! – самое великое изобретение человека, подтверждающее, что не все потеряно, что заложено в человеческой природе стремление к соединению. От нее летел привет с «Le Pont»⁴⁷ Александра Третьего, а в ответ следовало приветствие от Аркольского моста, написанное стремительным почерком.

Эспер – Мартине:

«Мой обожаемый волчонок! Я крепко спал всю дорогу и был удивлен, проснувшись на Восточном вокзале. Впереди – три дня в Париже! Скоро встретимся! Очень хотел бы, чтобы твой костюм был готов к моему приезду. Постарайся также надеть маленький корсаж, чтобы я увидел тебя всю такую красивую в дни моей увольнительной. Я – счастливый мужчина, потому что у меня есть такая женщина, как ты. Ты знаешь мою радость, когда я с тобой, в нашем доме. Не грущу, так как рассчитываю...».

Было так много всего, на что хотелось бы рассчитывать, что он решил закончить без уточнений. Лишь по привычке пририсовал смешную картинку: ретивый конь мчится к девушке в форме сестры милосердия. Вместо лица у нее – улыбающаяся мордочка какого-то зверька с торчащими из-под косынки ушками. Открытка была отправлена по адресу: Париж, улица Фобур Сент Оноре, 24-бис, где с августа 1917 года разместился добровольческий госпиталь русского Красного Креста. Эспер надеялся, что MARTINA успеет прочитать его письмо до долгожданной встречи в Мезон-Лаффит. Редкие свидания приносили обоим тепло, спокойствие, хрупкую надежду на будущее.

...Полночь. Она еще раз обошла палаты. Больные уже спали или переговаривались шепотом, готовясь ко сну. Николая Калининкова уже давно выписали, еще тогда, когда госпиталь был на Елисейских полях. Он так радовался! Недавно прислал фотографию: франтоватый

---

⁴⁷ „Le Pont“ (фр.) – мост.

парень в военной форме стоит, слегка скрестив ноги, приосанившись, опершись рукой на стул. На лице видны рубцы, нос приплюснут, под нижним веком правого глаза – тонкий шрам. Светлые волосы, разделенные аккуратным пробором, зачесаны набок. Николай улыбается. Внизу под портретом надпись: «Merci». Из короткого письма Мартина узнала, что их подопечный остался во Франции, усиленно учит французский, с девушкой познакомился, влюблен, и она ему отвечает взаимностью. Начал писать стихи. Мартина вспомнила про Николая, проходя мимо Шарля Дельно, молодого парня, поступившего недавно с многочисленными лицевыми ранами: нижней губы, скул, подбородка.

– Вы не спите, – она погладила влажный лоб, ощутив ладонью мокрые от слез глаза Шарля. Тот всхлипнул, пытаясь отвернуться, но малейшее движение причиняло боль, и раненый застонал.

– С лица вода не пить, – сказала по-русски фразу, которой успокаивался Николай Калинин. Шарль, не понимая, не слушая, еле шевеля губами, тихо прошептал, то ли спрашивая, то ли утверждая:

– Я никогда не смогу поцеловать женщину.

– Конечно, сможешь! Женщина сама тебя поцелует! – с этими словами она наклонилась к Шарлю, осторожно, почти воздушно, поцеловав его в воспаленные сухие губы. Шарль затих, успокоился. Уснул.

Закончив обход, вошла в перевязочную и, секунду помешкав, закрылась изнутри. Потом достала из платяного шкафа небольшое зеркальце, поставила на стол, закрепив между толстыми медицинскими справочниками, и начала раздеваться. Развязала косынку, дав наконец свободу своим пышным выющимся волосам. Расстегнула сзади платье и, сняв через голову, аккуратно повесила на спинку кровати. Под платьем была белая батистовая рубашка на тонких, постоянно сползающих бретельках. Чуть помешкав, сняла и ее, оставшись в недлинных, тоже белых, штанишках на резиновом поясе с пуговицами посередине и плотном бюстгальтере телесного цвета, гармонично оттенявшим матовость кожи. Белье украшали легкие кружева, совсем немного, без излишеств, воланов и пышных складок. Проверив на всякий случай, что дверь точно закрыта на ключ, Мартина, глядя на себя в зеркало, спустила бретельки бюстгальтера, обнажив небольшие упругие груди. Провела пальцами по шее, остановившись на крошечной родинке справа, погладила плечи, закрыла глаза. Завтра! Завтра!

Затем достала из другого платяного шкафа сумку, вытащила пакет, развернула. В нем лежал тот самый костюм, в котором так хотел увидеть ее Эспер. Волнения были напрасны: модистка, мадам Ферран, сдержав обещание, сделала все прекрасно и вовремя. Мартина надела юбку – укороченную, а не длинную, как носили до войны. Мадам Ферран – просто прелесть! Юбка сидела великолепно – точно по фигуре, облекая бедра, чуть расширяясь к низу. Теперь корсаж! При мысли о корсаже она улыбнулась. Боже мой! Эспер! «Постарайся также надеть маленький корсаж...», – вспомнила письмо, полученное сегодня утром. О чем он думает! Познания друга в тонкостях женской моды говорили о многом, Мартина догадывалась о его богатом любовном опыте, но ее это не смущало, напротив – влекло еще больше.

Плотно облегающий светлый корсаж на пуговицах спереди и широком поясе чудесно контрастировал с жакетом – приталенным, темно-коричневого цвета, в тон юбки. А чулки? В госпитале она носила носочки, но в сумке лежали совсем новые чулки и *porte-jarretelles*⁴⁸. Уф-ф! Как много одежды! Конечно, уже чуть меньше, чем ранее, но неужели однажды наступит день, когда женщина сможет двигаться, дышать легко, свободно и, бросившись в объятия любимого мужчины, не бояться, что у нее где-нибудь лопнет шнурок или порвется подвязка? И об этом тоже думала Мартина, разглядывая в зеркале красивую стройную шатенку в костюме

⁴⁸ *Porte-jarretelles* (фр.) – пояс для подвязок, чулок.

«от мадам Ферран», скрывающем столько тайн и милых хитростей, которые очень скоро будут разгаданы. Надо лишь дожидаться следующего дня. И ночи.

Еще раз перечитала короткое письмо, догадываясь о том, на что рассчитывал Эспер. Затем снова переоделась в больничную форму, решив перед сном обойти палаты, проверить форточки – больные иногда забывали их закрывать. Так и есть – окно в одной из комнат осталось приоткрытым, с улицы доносился смех, кому-то явно не хотелось спать в эту не по-осеннему теплую парижскую ночь октября 1917 года. Завтра уже наступило.

* * *

Через несколько часов они встретились на вокзале Сен-Лазар, как и договаривались. Увидев ее, сияющую, полную жизни, Эспер восхитился – Мартина была невероятно хороша в своем новеньком костюме! У него никогда не будет другой такой женщины. Эта мысль вызвала сильнейший приступ счастья и непонятной боли, будто он заранее приготовился к чему-то далекому и неизбежному. Эспер обнял, прижал ее к себе, уткнувшись в пышные курчавые волосы, затем, слегка отпустив, с едва слышным стоном, сжал ее руки. Теплые, домашние, уютные – одновременно нежные и сильные.

– Мартина, ты мне обещаешь, – начал он, оторвавшись, поднеся ладони к губам.

– Да! – она улыбнулась, проведя пальцем по щегольским, совсем не военным, усикам Эспера. – У тебя уси...

– Ы! У-сы! Усики! Ты знаешь, о чем я?

– Нет!

– Тогда почему обещаешь?

– Потому что ты просишь.

– Но ты догадываешься?

– Да! – повторила Мартина.

«Ты мне обещала, что я тебя не потеряю», – подумал он по-русски, потом по-французски и снова по-русски. «Бог троицу любит», – Эспер совсем успокоился.

Они поспешили к поезду и через два часа были в Мезон-Лаффит. Дом обрадовался! Привычно заскрипел половицами, захлопал ставнями, согрел теплом зажженного камина, и лишь только ре-бемень, он же до-диез, рассердился, когда Мартина стирала с него «пиль».

Им по-прежнему было не до пыли. После ужина, наспех приготовленного и почти нетропутого, долго лежали они в ночной тиши, обнявшись, тихо переговариваясь, пока не уснули.

За завтраком следующего дня Эспер объявил, что его командируют на остров д'Экс в звании адъютанта-переводчика.

– Остров д'Экс? В Атлантике? Но что ты там будешь делать? Там же только форты и тюрьмы! – Мартина засыпала вопросами.

Эспер отвечал скупой, сказал лишь, что это временно, что он там нужен. Очень много всего случилось за последние месяцы.

– Но зачем? – допытывалась она.

– Ты сама ответила, – нехотя пояснил он. – Острова всегда были надежным местом для тюрем. Там есть форт...

– Не понимаю. Форты – это же не тюрьма?!

– Как посмотреть... Все зависит от времени. Сегодня форт – это тюрьма.

– Эспер, о чем ты? Кто? Кого туда отправляют?

Вместо ответа он положил свою руку на ее пальчики – смуглые, изящные и крепкие. Приподнял мизинец, потянул к себе и поцеловал.

– Форт Льедо. Место ссылки для солдат из русских бригад. Для них война кончилась. Что будет, трудно сказать... Думаю, увидимся не раньше чем через месяц, в конце ноября, ближе к Рождеству. Если дадут увольнительную.

Спустя неделю после их последней встречи в Мезон-Лаффит Мартина получила две открытки. На одной – вид острова д'Экс с моря. За мощной фортификационной стеной, растянувшейся вдоль берега, виднеются лишь верхушки деревьев и крыши редких домов. От изобращения повеяло холодом, пронизывающим ветром Атлантики, и Мартина невольно поежилась, представив на миг своего любимого на этом островке, окутанном тайнами и легендами о знаменитых узниках. Перед ней мелькнула картина: они с Сесиль смотрят парад на Елисейских полях. «Это же русские! – кричит Сесиль. – Смотри! Бежим женихов выбирать! Какие красавцы!». Гордые, улыбающиеся.

На глаза навернулись слезы. Что же случилось? Что они сделали? Каково им там, на этом затерянном крохотном кусочке земли Франции? Той Франции, которую они прибыли защищать.

Мысли путались. Ей даже подумалось, что, возможно, война близится к концу, и русские бригады готовят к отправке на родину. Тогда почему остров? Закрытый форт? Эспер ничего не писал, и она принялась рассматривать вторую открытку, которая ей понравилась гораздо больше. Это был портрет девушки в нарядном платье с развевающимся шлейфом и кокетливой шляпкой на курчавых волосах. На обороте Эспер нарисовал фигурку стоящего на берегу океана солдата в наполеоновской треуголке. Внизу подпись: «Где ты, моя святая Мартина?»⁴⁹

1917 год близился к концу, а испытания все еще продолжались.

2018 год, май. Франция. Сен-Манде, рынок почтовых открыток

Среда. Продавцы раскладывают свой товар, обмениваются новостями, традиционно расцеловываются – они не виделись ровно неделю. Что-то изменилось в мире? Да ничего особенного! Где-то избрали президента, а где-то еще только готовятся. И что? Ход истории повернется в другую сторону? Может быть. Что с того? Те, у кого в коробках и коробочках лежат старые, выцветшие от времени свидетельства ушедшей эпохи, снисходительно, с философской мудростью относятся ко всем искусственным катаклизмам.

– Привет, Жерар! Comment ça va? Как дела? – обращаюсь к своему знакомому.

Жизнерадостный Жерар отвечает, что он в полном порядке, и «са ва» у него всегда отлично. Подмигивает с заговорщицким видом, говоря, что раздобыл письма, адресованные некой мадам Балофф, по его мнению, урожденной русской.

– Oui, oui, – заранее радуется Жерар, предлагая порыться в стопке писем под указателем «Аркашон», где, судя по всему, сто лет назад жила мадам Балофф. Бегло просматриваю тексты, написанные красивым, прямо-таки изящным почерком:

«Дорогая подруга! Сегодня грустная погода, как и день, которым я подписываюсь. Идет дождь, мы идем в Люксембургский сад. Вчера было очень жарко, я даже заболела от жары и усталости. Париж – не город, где отдыхают, уверяю тебя!»

Дождь кончился, и через два дня летит другое письмо: «Дорогая, любимая подруга! Еще несколько слов, чтобы сказать: веселюсь от усталости! Вчерашняя прогулка в Булонский лес была восхитительна, а вечером мы увидели знаменитого Coquelin⁵⁰, который, как известно, душа Сирано де Бержерака. Зал был полон! Надеюсь, ты в форме. Через неделю будем ближе к тебе».

⁴⁹ На острове д'Экс (l'île d'Aix) император Наполеон Бонапарт провел в июле 1815 года три дня, прежде чем сдаться англичанам и покинуть Францию навсегда, отправившись на остров Святой Елены.

⁵⁰ Французский актер, сыграл роль Сирано де Бержерака.

И еще несколько дней спустя: *«Два дня мы посвятили визитам в музеи: Лувр и Клюни. Были в Пантеоне и магазинчиках Лувра, где все, что красиво, очень дорого. Восхищаюсь этим богатством, бережно хранимым! Привет, Нотр Дам! Ты хорошо держишься, старина! В Клюни встретили мадемуазель Мари Тильбоше, она шлет тебе тысячи любезных пожеланий. Сегодня – отдых! Булонский лес, если погода сохранится, потом ужин и театр – будем смотреть „Федру“. Вечером я без сил! Преимущество в том, что сплю хорошо и на следующий день могу заново начать прогулки по Парижу. Думаю о тебе и шлю тысячи поцелуев. Р. S. Да, забыла сказать, что мы недавно простились с нашей дорогой мадам Велеман. Еще одна подруга ушла. Круг сжимается. Это ужасно...»*

Путешествие подошло к концу, о чем автор с грустью сообщает мадам Балофф: *«Дорогая, уже восемнадцать дней в Париже. Как же быстро прошло время. Мы не всегда ладили, Марта и я. И все равно я счастлива быть с теми, кого люблю. Наслаждаемся Парижем, гуляем каждый день. Но время... Как же быстро летит время...»*

Как же быстро летит время...

Две подружки переписываются. Что необычного? Ничего. Темы вечные. За исключением, пожалуй, даты отправления: апрель 1906 года! Жерар по-прежнему хочет удивить, предлагая вытянуть что-нибудь наугад. Соглашаюсь, тяну, и вот уже в руках открытка «Площадь наций. Триумф Республики». На изображении – знаменитая скульптурная композиция, в центре которой стоит Марианна, символ Франции. Вместо личного послания автор приводит фразу из газеты «Фигаро»: *«Жюль Далу⁵¹ придал своей Республике такое достоинство, такое спокойствие, что сегодня, ожив и услышав крики бастующих, она бы развернулась и бросилась прочь!»*

Это было написано не вчера, а 20 ноября 1899 года, на следующий день после инаугурации бронзовой статуи. Через сто десять лет после французской революции! И что же?! Марианна, спокойная и величественная, по-прежнему возвышается на Площади Наций, привыкнув к протестам вечно недовольных парижан.

Читая послания того времени, не покидает мысль: где война? Траншеи, страх, жертвы, атаки, гнев, разочарование, усталость, боль? Где весь этот ужас? Наконец, патриотизм – где? Допустим, что цензура в тот период была жесткой, и рассказывать близким обо всех испытаниях, выпавших на долю миллионов мужчин, приходилось осторожно, лишь намекая. Зато какие романтические слова, какие чувства и чувственность выплескивали, не стеснясь и не опасаясь, эти несчастные, грязные, больные люди в ожидании прижать к себе любимых, обнять, расцеловать их. Неужели черная полоса служит своеобразным ориентиром, указывающим на то, что душа человеческая сбивается с курса?

Жерар выслушивает запутанный вопрос, послушно кивает головой и предлагает найти ответ, сделав еще одну попытку в tombola⁵². Договариваемся на три открытки. Закрываю глаза, вытаскиваю: Булонский лес, 6 марта 1921 года. *«Дорогие родители! Как всегда, с большим опозданием. Но теперь это простительно, так как дьявол муж отнимает много времени. Вместе с тем очень волновалась за тебя, мама, узнав, что ты болела. Надеюсь, сейчас уже лучше? Это все твоя грязная работа, она тебя губит. Послушай, оставь ты этих солдат, поехали с нами в Африку? По крайней мере, не будет проблем с сушкой белья...»*

Дата второй открытки впечатлила: 8 января 1907 года. «Выезд президента республики». Арман Фальер, 66-летний глава Третьей республики, дефилирует в конном шествии, его приветствует толпа парижан. Дамы – в длинных платьях, мужчины – в длиннополых пиджаках и шляпах. Фото для изображения было сделано в солнечный день, Париж радовался официальной церемонии. Переворачиваем открытку: на обороте тоже не грустили, правда, по другому

⁵¹ Жюль Далу (Jules Dalou) – французский скульптор, 1838–1902 гг.

⁵² Tombola (фр.) – лотерея.

поводу: *«Дорогая Мари, вы хорошо повеселились в субботу? Нормально вернулись со своим апашем⁵³? Я пришла домой утром, без десяти семь, мама волновалась. Люси забыла ей напомнить, что мы уйдем на вечер. С дружеским приветом! Передайте мои наилучшие пожелания мадам Сартори. Ваша подружка Мари».*

О, девчонки! Вам нет дела до президентов! Наверняка открытка была выбрана с расчетом усыпить бдительность мадам Сартори, чтобы та не ругала беспечную дочку Мари за апаша.

И, наконец, последний шанс: Монмартр! 1916 год, ноябрь. Жюльет пишет сестре от себя и своего мужа Альбера:

«Моя дорогая сестренка! Твоя открытка доставила нам удовольствие. Теперь мы спокойны, зная, что ты в тишине и комфорте... Скоро начнут опадать листья, но сегодня еще солнечно, отличная погода. У нас все по-прежнему. Поль, друг Альбера, демобилизован после ранения. Восстанавливается, чувствует себя хорошо. Надеюсь, мое письмо тебя развеет. Как раз к слову, маленькая деталь: Альбер вернулся с рынка и принес больших крабов. Сама знаешь, сколько времени тратишь, чтобы их съесть. Он так и сказал: „Ну теперь, по крайней мере, успокоишься на один час!“ Представляешь, какая нежная забота? Будто я его не разгадала! Сейчас допишу, и он пойдет на почту отправлять эту открытку. Наивный! Пока он будет успокаиваться от меня, я успокоюсь с крабами, и ему ничего не останется! Тысячи поцелуев от нас обоих! Жюльет и Альбер».

Такая малость нужна, чтобы быть счастливым: просто купить крабов. И успокоиться. Даже, если муж будет дьяволом. В крайнем случае – всегда найдется апаш.

---

⁵³ Апаш (фр. apache) – от названия индейского племени апачи: вор, хулиган, бандит.

Часть вторая. Остров Д'Экс. Заточение

Одна мысль с особенной силой приводила его в неистовство во время переезда, когда он, не зная, куда его везут, сидел так спокойно и беспечно. Он мог бы десять раз броситься в воду и, мастерски умея плавать, умея нырять, как едва ли кто другой в Марселе, мог бы скрыться под водой, обмануть охрану, добраться до берега, бежать, спрятаться в какой-нибудь пустынной бухте...

А. Дюма. „Граф Монте-Кристо“

«Форт Энет. Атлантическое побережье Франции»

Глава 1. Венера Арльская

Из военного архива Château de Vincennes

Французская республика. Париж. Военное министерство. Докладная записка N205. «Русские солдаты, содержащиеся в камерах предварительного заключения тюрьмы Бордо, не могут предстать перед российским военным советом, так как, с учетом всего происходящего в России, решения последнего больше не являются легальными. Генерал Лохвицкий возражает против того, чтобы распоряжения, установленные правительством Керенского, применялись генералом Николаевым. Таким образом, нет далее возможности держать этих солдат в тюрьме. С другой стороны, учитывая их менталитет, опасные настроения, необходимо исключить вероятность контактов с другими русскими рабочими. Поэтому мне кажется, что есть единственное верное решение: отправить этих солдат на остров д'Экс (...)».⁵⁴

* * *

– Митька! Митька! Куды ты, леший, подевался! Братья с утра литовками машут, а ты, пострел, куды спрятался? От найду тебя, надеру задницу-то! Кулажку стащил и сидишь небось с Колькой своим! Обоим уши надеру! Выходи, паскудник!

Матушка у Митьки Орлова была страсть какая строгая. Но Митька знал, что мать души в нем не чаяла и любила больше всех. Ночью, бывало, подойдет к полатам в дальнем углу горницы, у печки, поднимется на ступеньку и, отодвинув занавеску, шарит рукой, приговаривая:

– Опять всех согнал, разлегся тут... Эх-х... Ну-ка, двинься сюды, понежу тебя, родимый ты мой... От горе-то луковое, опять книжки свои французские читал, пока братья работали.

Митька двигался в сторону матери, та гладила его сонное лицо, шептала что-то, и он проваливался в глубокий волшебный сон. Тихо. От вязанок сушеных грибов исходит знакомый запах, тут же земляника на лотке лежит, сушится. Дмитрий уснул, захватив пригоршню, не успев да рта донести. Рука разжалась, ягоды рассыпались. Мать осторожно их собирает, кладет в рот и крестит сына: «Храни тебя, Боже, сыночек».

Не совсем права была матушка, потому что он братьям помогал. А то как же! Хозяйство большое, семья Орловых тоже немаленькая, работы всем хватало. Книжки, правда, любил, это да. В их небольшой сибирской деревне Голыманово Дмитрия знали, звали частенько, чтобы прочитал что-то, объяснил. А ведь ему еще только пятнадцать недавно исполнилось. Насчет книжек тут уж ничего не возразишь. Особенно французские. Так ведь это все Павел Жанович, учитель их школьный. Митька помог ему как-то по дому, а тот возьми и предложи: давай, говорит, французскому тебя учить буду, а ты помогай иногда. Жан Бертон, дед учителя, ранен был в Отечественную, так и остался в России, женился, сына тоже Жаном назвали, а внука – Павлом, или Полем, как пояснил Павел Жанович. Фамилию на русский лад стали произносить: Бертонов. Французский язык в семье чтили, дети владели им свободно, так же как и русским. Митьке язык нравился, правда, говорить-то особо не с кем было, только с учителем. Своим

---

⁵⁴ Военный архив Château de Vincennes. – Le service historique de la Défense (SHD). Рукописная докладная записка N205. Дата не указана. (Скорее всего, это осень 1917 года, уже после октябрьского переворота, когда решения Временного правительства потеряли силу. – Л. Д.). Подпись автора письма стерта. (Перевод автора. – Л. Д.)

до поры до времени не признавался, почему это он к Жановичу зачастил. Пока однажды за столом, после дополнительной порции пельменей, не произнес со значением:

– Мерси, маман.

– Чевой? Чевой-то ты сказал? – не поняла маман.

Братья с изумлением переглянулись, отец кашлянул, только сестра любимая, Клавушка, хихикнула – она-то знала, куда брат бегаёт, и чем Павел Жанович за помощь по дому платит. Митька и ее несколькими словами научил: «бель фий», «бель роб», «гарсон»⁵⁵. Иногда истории из книжки пересказывал, да так, что Клавушка заслушивалась: сердце екало, воображала себя томной французской красавицей, а то и куртизанкой. Закатывала глаза к небу и произносила в нос, как учил Митька: «Же мапель Клодин»⁵⁶.

– Митька! Митька, где тебя черти носят, – продолжала неистовствовать матушка.

– Ты поосторожнее, мать, чего кипишь, найдется он, – прикрикнул отец. – Скирдовать-то прибежит, куды без него.

В этот самый момент Митька и верный друг Колька Калинин, приходившийся дальним родственником, обливались потом в прохудившейся кадушке, потягивая холодную обратку⁵⁷. Матушка знала все их тайные места, а про кадку, которую сама же просила в лес отнести и выбросить, пока не догадывалась. Они ее ветками замаскировали и спрятали в маленькой рощице поблизости с домом, чтобы в случае чего тут же выпрыгнуть. Высунувшись из укрытия, убедившись, что матушки рядом нет, друзья улеглись удобнее. Митька достал книжку, положил на траву и, найдя нужную страницу, начал: «Тогда громкое рыдание вырвалось из его груди. Накопившиеся слезы хлынули в два ручья. Он бросился на колени, прижал голову к полу и долго молился, припоминая в уме всю свою жизнь и спрашивая себя, какое преступление совершил он в своей столь еще юной жизни, чтобы заслужить такую жестокую кару».

Дмитрий читал выразительно, делая театральные паузы, меняя интонацию, придавая в нужные моменты драматизм своему голосу, чем не раз доводил впечатлительного друга до слез.

«Так прошел день. Дантес едва проглотил несколько крошек хлеба и выпил несколько глотков воды. Он то сидел, погруженный в думы, то кружил вдоль стен, как дикий зверь в железной клетке», – Митька остановился, прислушавшись, не идет ли кто.

– Ну! А дальше! Дальше-то что? – торопил Колька, чуть не плача. – Неуж не отпустят? Эх, Дантесюшка ты наш! Предали тебя друзья-то! Ироды!

Николай, малолеток еще, младше Дмитрия на три с небольшим года, страсти к чтению не испытывал, но слушать мог часами. Правда, морщился всегда, когда сюжет любовный начинался:

– Да про баб не надо, дальше давай!

Но Дмитрий не пропускал ни одной строчки, а некоторые, «про баб», перечитывал по несколько раз, представляя, что вот он, крепкий широкоплечий парень, белокурый и голубоглазый, одетый в белую рубашку с голубой вышивкой – матушка старалась – видит молодую девушку. Она, точно как в книжке, «с черными, как смоль, волосами, с бархатными, как у газели, глазами». Ее зовут Мерседес. Дмитрий представляет «стройные изящные икры, обтянутые красным чулком с серыми и синими стрелками». Девушка протягивает к нему изящные ручки, «скопированные с рук Венеры Арльской» – надо бы спросить у Жаныча, кто это такая, Венера Арльская. Он берет Мерседес своими сильными ручищами в охапку, поднимает и прижимает к себе... Ух-х! Вот это жизнь!

⁵⁵ «Бель фий», «бель роб», «гарсон» (фр.) – (belle fille, belle robe, garçon) «красивая девушка», «красивое платье», «мальчик, юноша».

⁵⁶ Же мапель Клодин (фр.) – (je m'appelle Claudine) Меня зовут Клодин.

⁵⁷ Обрат (обратка – разг.) – обезжиренное молоко.

– Митька, – тормозил друг. – Давай дальше. А то мать найдет, не успеем. Книжка-то огромная какая!

– Вот вы где! – добралась-таки матушка! – Ишь ты, разлеглись на солнышке! Бояре бело-брысые! И этот туды же, – накинулась на Кольку. – Задаст тебе отец, с утра найти не может. И пошто вы такие лодыри уродились! – бушевала не на шутку. Разбрасывая ветки, больно ударила о кадку, разозлилась пуще прежнего. Друзья вскочили на ноги, книга выпала, мать схватила ее и в сердцах замахнулась на сына. Тот увернулся, отскочил в сторону и крикнул перед тем, как пуститься наутек вслед за удравшим уже Колькой:

– Не рви книгу-то! Книгу-то не рви!

Опасения, впрочем, были напрасны. Пелагея Васильевна Орлова была грамотная, книжки брела, сыном гордилась и тайне мечтала, что когда-нибудь увидит его, рослого, сильного парня, рядом с красавицей в подвенечном платье. Предстанут они перед алтарем, ожидая благословения, а потом будут жить долго и счастливо. Митька, Митька. Родимый ты мой. Так бы и нежила тебя всю жизнь.

Она вздохнула и прочитала по слогам название книги: «Александр Дюма. Граф Монте-Кристо».

– Граф... Поди ж ты... В графья хотят. А кто ж скирдовать-то будет?

Когда Дмитрию исполнилось семнадцать, а Николаю, соответственно, почти четырнадцать, обе семьи перебрались в Самарскую губернию. Мать Кольки, «волжаночка», как называл ее муж, оттуда родом была, она и переманила. Купили мельницу в деревне Удалово, обосновались, хозяйство расширили. О сибирских морозах лишь только Пелагея Васильевна, коренная сибирячка, иногда вспоминала. А Дмитрию уж очень доставало Павла Жановича. Письма ему писал, не забывая в конце послания добавить *amicalement*, то есть «с дружеским приветом, верный ваш ученик Дмитрий Орлов».

Надо отдать должное родителям, с пониманием отнесшимся к страсти Митьки: учитель французского языка вскоре был найден. Правда, ходить к нему приходилось в соседнюю деревню, за пять верст. «Туда и обратно – десять», – с важным видом говорил он другу Николаю. Учитель, месье Жорж Левро, любил прихвастнуть своими якобы дворянскими корнями и родом, восходившим, по его словам, к одному из французских королей, не уточняя, впрочем, к какому именно. За рассказом учитель порой забывал про ученика, иногда отлучался, спускался в голбчик, чтобы пропустить рюмку-другую водочки. Но Дмитрий полюбил эти десятиверстные прогулки *aller-retour*⁵⁸. Иногда Николай сопровождал его, ждал окончания урока, и на обратном пути они купались в Волге, качались на волнах, плавали чуть не до заката в отблесках заходящего солнца...

– Митька-а-а-!

– Колька-а-а!

Матери опять задавали трепку, все повторялось...

1917 год. Конец сентября. Атлантическое побережье Франции

«Боярдвиль» отчалил так плавно, что Дмитрий Орлов с досадой чертыхнулся. Не заметил! Он знал, что прощального гудка, как тогда, год назад, в Дайрене, не будет. И батюшка не сотворит молитву, перекрестив всех и каждого, отправив рабов божьих в дальнейшее плавание. И оркестр не сыграет «Боже, царя храни». Потому и хотел запомнить это самое мгновение, почувствовать, как суденышко оторвет его от берега, перережет пуповину, оставив наедине с неизвестностью. Хотел в этот момент божьей милости попросить, да момент пропустил.

---

⁵⁸ *Aller-retour* (фр.) – туда и обратно.

Тогда, 29 февраля 1916 года в Дайрене, было другое. Эскадра из семи транспортных кораблей приготовилась к отплытию. Во главе флагмана – «Латуш-Тревиля», на нем же и командующий первой бригады, генерал-майор Лохвицкий. Дмитрий, гордый и счастливый, стоял на палубе другого транспорта: «Гималаи». Шутка ли – две с половиной тысячи человек только на одних «Гималаях». Сердце колотилось от радости: Франция! Загадочная и великая! Спасибо тебе, Павел Жанович! И тебе, Жорж Левро, спасибо. Жаль, не узнаете вы, что послушный ваш ученик Митька Орлов, может, и Париж увидит и, так уж и быть, про Наполеона подумает, привет ему от Жана Бертоня передаст. Рядом стоял верный друг Николай Калинин, осунувшийся с дороги, все же здоровьем-то он послабее был, но тоже довольный, готовый к очередному путешествию. Исполнится их детская мечта.

Война представлялась чем-то очень далеким и не главным. Не страшным. Не о ней думали. Да, не о ней думали те первые почти восемь тысяч человек, отправившиеся в далекую страну, понятия о которой имели самые противоречивые. Не у всех же в детстве был Павел Жанович. Тогда, в Дайрене, да и потом, по прибытию в Марсель, чувствовал: не навсегда это, вернется. Вернется!

И только сейчас понял: все. Потому и хотел молитву сотворить в самый момент отплытия, желание загадать, веру в себе поддержать, но не успел. Засмотрелся на башни Ля-Рошель, вспомнил, как с Колькой «Графа Монте-Кристо» в кадочке читали, задумался и не заметил, что «Боярдвиль» – суденышко небольшое, но крепкое, понесло его в полнейшую неизвестность. «Последнее пристанище», – он вдруг отчетливо представил, что теперь-то уж точно последнее.

* * *

Кольки Калиникова рядом не было. Дмитрий знал, что санитарам, которых он заставил развернуться и бежать на поиски, удалось найти друга. Узнав о ранении, ужаснулся. Николай, белокурый, голубоглазый красавчик! Иванушка из русских сказок. Правда, внешность, возможно, и была причиной застенчивости приятеля. Вздыхая, робел он перед девками, оставаясь девственником. Только начал смелости набираться, как на действительную призвали – на год раньше из-за войны. Всего-то двадцать лет ему миновало, не успел побаловаться.

Теперь, с изуродованным лицом, и подавно сдрейфит, хотя, может, наоборот, предположил Дмитрий. Он-то сам уже многое успел: и в армии отслужить, и целомудрие потерять. С женщинами опыта поднабрался, чего греха таить. Но сейчас казалось, что ничего никогда у него не было. Ни с кем. Хотя о чем он? Нашел время, что вспоминать и о чем думать. Хмурые, небритые, в разодранной одежде, никому ненужные – ни своим, ни чужим. Те самые солдаты русской императорской армии, которых француженки закидывали цветами в Марселе. Год назад их отправили как союзников, как спасителей. А теперь не знают, куда запихнуть. Как избавиться. Изолировать, спрятать, потерять. Забыть. На борту их, «непримиримых», а не просто неблагонадежных, было около сотни, может, чуть меньше. Судно могло вместить до двухсот человек, но, видимо, отправлять всех одним разом французам показалось страшно-вато, потому бунтовщиков разбили на несколько групп. Дмитрий многих знал еще раньше, на «Гималаях» вместе плыли, с некоторыми поближе сошелся за последнее время. Тоже, наверное, вспоминают Дайрен...

«Боярдвиль» плавно и уверенно двигался в сторону пока еще еле заметной полоски суши. Туда ли? Вдали, словно фантастическое видение, показалось выступающее из вод Атлантики овальное сооружение в три яруса. Отродясь таких не видали! Крепость?! Тюрьма?! Господи! Оттуда не сбежишь, не прыгнешь, да и суши не видно. «Боярдвиль» шел прямо по курсу, не оставляя сомнений: это и есть то самое место, где предстоит провести неизвестно сколько времени, а может, и сгинуть там в ожидании перемен к лучшему. Дмитрий просто кожей почувствовал, как отправленные в далекую ссылку пленники напряглись.

– Что это? Эй, капрал! Как называется? Это? Кес ке сэ?⁵⁹ – обратился к сопровождавшему группу французу Иван Пустынов. Так же, как и Дмитрий, он был из второго полка первой бригады. До службы работал на заводе в Подольске, характер имел бойкий, частенько лез на рожон, чем заслужил уважение товарищей: «Наш-то, Пустыня, опять с офицером схлестнулся».

– Fort Boyard, – буркнул капрал, бросив недовольный взгляд на Ивана и сказавший что-то по-французски адъютанту-переводчику.

– Это форт Боярд⁶⁰, – пояснил переводчик, добавив, что к старшему по званию обращаться следует по форме, но лучше вообще не задавать лишних вопросов. – Нам не туда. Уже близко. Туда, – он неопределенно махнул рукой в сторону все той же полоски суши, очертания которой уже можно было видеть более отчетливо.

У Дмитрия отлегло от сердца. Оставив позади форт Боярд, судно огибало остров слева, приближаясь к береговой линии. Справа по курсу показался еще один форт, пониже, с глухими, почти без бойниц, стенами.

– А это что? Кес ке сэ? – не унимался Пустыня, даже не думая обращаться по форме. – Вот ведь понастроили... Сколько же у вас их тут? Нам не туда?

Переводчик, заверив, что «не туда», успел сказать, что форт называется Энет, что строились фортификации еще во времена Наполеона.

– Ого, – присвистнул Иван. – Значит, поквитаться с нами решил Наполеон. Через сто лет...

Ответить ему не успели. Прозвучала команда:

– Внимание! Приготовиться к выходу. L'appel!⁶¹

«Боярдвиль» замедлил ход, причаливая к месту высадки. Вот он, остров д'Экс⁶², скрытый за прочной фортификационной стеной, Атлантическое побережье Франции. Да, оттуда точно не выбраться. Знали военные начальники, русские и французские, куда следует упечь распространителей революционной заразы. Дмитрий, сносно говоривший по-французски, еще до отправки успел спросить у одного из французских офицеров: остров-то обитаемый? Офицер посмеялся, похлопал по плечу, заверив, что французы – не враги русским. Он, правда, и сам точно понять не может, за что их ссылают, но верит – вернетесь в Россию.

– А Наполеон так и не вернулся, – уточнил француз после некоторого замешательства, рассказав, что именно с острова д'Экс опальный император вынужден был сдаться англичанам и отправиться на остров Святой Елены. Навечно.

«Навечно», – вспомнил Дмитрий Орлов, замыкая линейку выстроившихся для переключки солдат.

– А это еще зачем? Чего нас пересчитывать? – взвился неугомонный Иван.

– Чтобы унижить, – тихо, со злостью, ответил стоявший рядом Афанасий Филиппенко, родом из Москвы. До войны он работал на одном из заводов, характер имел суровый, бескомпромиссный. Начальство его побаивалось, товарищи уважали. – Отвоевались.

«Ишь ты... Заговорил», – с неожиданным раздражением подумал Дмитрий, отметив, что их строптивый мутэн⁶³ молчал всю дорогу, а тут вдруг встрепенулся. Солдаты выстроились в две неровные шеренги.

⁵⁹ Qu'est-ce que c'est? (фр.) – что это такое?

⁶⁰ Форт Боярд (Fort Boyard) – каменный форт, расположенный на атлантическом побережье Франции между островами д'Экс и д'Олерон.

⁶¹ L'appel! (фр.) – переключка.

⁶² Остров д'Экс, Иль-д'Экс (фр. Île d'Aix) – остров в Атлантическом океане, находится в заливе Пертюи д'Антиош у западного побережья Франции, недалеко от города Ля-Рошель. Площадь острова 1,29 кв. м.

⁶³ Мутэн (фр. mutin) – бунтарь, бунтовщик.

– Румьянцев! Годофф! Носкофф! Анисимофф! Теречченко! Пустинофф! Новикофф! Бельякофф! Дрига! Филиппьенко... Моторьин... Феоктистофф... Крьевенко... Орлофф... Глотофф...

Французский офицер добросовестно выговаривал странные фамилии стоявших перед ним людей, стараясь не смотреть им в глаза. Напрасно. В глазах уже не было ни злости, ни презрения, ни даже любопытства. Просто усталость. Обычная человеческая усталость.

* * *

Из военного архива Château de Vincennes

16 апреля 1918 года. Лаваль. Полковник Баржоне, представитель французского командования русской базы – в Париж, штаб армии, господину военному министру. Донесение:

«Группа из 49 русских военных, в том числе 35 отказавшихся идти на фронт и 14 особо опасных, отбыли 11 апреля сего года из Лавалья в направлении острова д'Экс. Прибыли на место назначения без инцидентов в 9 ч. 40 минут. Я уполномочил французского офицера, сопровождавшего группу, обследовать условия содержания русских на острове. Согласно его рапорту, условия достаточно мягкие. В настоящий момент в казармах находятся сто два узника, но можно разместить от 250 до 300»⁶⁴.

16 апреля 1918 года. Штаб армии, третий отдел. Конфиденциально (копия). Приказ для дирекции инженерных войск. Тема: размещение особой штрафной роты на острове д'Экс.

«В ближайшее время необходимо приступить к формированию русской штрафной роты, численность которой достигнет 250 человек. Часть штрафников уже помещена на острове д'Экс, в форте Льедо. (...) Исходя из необходимости проживания всех этих людей в изолированных казармах, штаб армии полагает, что штрафная рота должна быть полностью размещена на острове д'Экс. (...) Штаб армии не видит препятствий в том, что оставшиеся свободные помещения на острове д'Экс, а также прилегающие к нему крепости форт Боярд и форт Энэт поступают в распоряжение военного суда. Заместитель начальника штаба армии генерал Видалон»⁶⁵.

... Пройдет сто лет, и в одном из знаменитых фортов закрутится приключенческое экстрим-шоу с придуманными испытаниями. В поисках таинственных ключей участники проявят изобретательность, ловкость, упорство. Такой парадокс истории: правда потихоньку уйдет в прошлое. Сотрется, забудется, станет неинтересной. Скучной. Более того – неправдоподобной. Заманчивее окажется вообразить то, чего не было, чем поверить в то, что было.

---

⁶⁴ Военный архив Château de Vincennes – Le service historique de la Défense (SHD). Докладная записка полковника Баржоне, поданная в штаб армии. Зарегистрирована 17 апреля 1918 года. (Перевод автора. – Л. Д.)

⁶⁵ Военный архив Château de Vincennes – Le service historique de la Défense (SHD). Приказ от 16 апреля 1918 года в дирекцию инженерных войск, третье бюро от генерала Видалона. Документ N 3.702-3/11. (Перевод автора. – Л. Д.)

Глава 2. Мадлен

Мадлен обычно вставала в семь утра, не позже. Однако, узнав накануне, сколько дел предстоит, заставила себя проснуться на час раньше. Полежала еще минут десять в теплой постели, поднялась, поежившись. Приоткрыла окно – пахнуло ночной прохладой. День обещал быть не очень летним, но и не слишком осенним. Ветра нет – уже счастье! Время дождей еще не наступило, солнце, по-осеннему скуповатое, радовало, хоть и не грело. «На жизнь не жаловаться!», – приказала себе, закрывая окно, накидывая на голые плечи теплую шаль. Зашла в детскую комнату – Жюли и Бастьен спали крепко, разметавшись, сбросив одеялки. Потрогала простыню – сухая! Умница, мой малыш, не обмочился, растешь, маме даешь поспать. Чудесные у нее дети, за этот великий шанс можно было многое потерпеть и от многого отказаться.

«Опять? О чем я? Не стыдно? От чего такого отказалась и что такое терпела?», – Мадлен в очередной раз устыдилась собственных мыслей и одновременно порадовалась, что никто не узнает того, о чем она иногда по утрам думает. Именно по утрам, а не по беспокойным ночам, потому что днем уставала так, что только бы до кровати к вечеру добраться. Наспех причесавшись, затянув в узел темные гладкие волосы, надела любимое домашнее платье, подвязала фартук и поспешила на кухню.

Ресторан, где она хозяйничала, назывался «У Реми», по имени мужа, Реми Дебьен. В Рошфоре, Ля-Рошель или еще где-нибудь на материке подобных заведений полно, по несколько на каждой улице. Другое дело – остров, да еще такой маленький, как ее родной д'Экс. Уютный ресторанчик-кафе на улице Маренго, утопающей в розах и мальвах, был едва ли не единственным местом, где гарнизонные офицеры любили перекусить, выкурить сигаретку, запастись табаком, провести время с семьей. Многих Мадлен знала по имени, приветствовала, спрашивала новости.

Перед войной на острове проживало чуть более четырехсот человек, включая военный гарнизон. С началом войны начали прибывать военнопленные, а значит, и те, кто за них отвечал. Казематы форта Льеда и казармы на улице Монталембер пополнялись. Безмятежный, солнечный д'Экс опять приобретал свое первоначальное грозное значение острова-крепости и острова-тюрьмы. Но жители не роптали. Даже напротив – понимали, что именно присутствие военных поддерживает традиционную коммерцию, вносит оживление в монотонный, чуть замедленный по сравнению с континентом, ритм жизни. Работы у Мадлен прибавилось. В основном справлялась сама, но часто помогали соседки: готовили заранее, с вечера на утро, или днем – на вечер.

Два года назад Реми получил увольнительную. Это было так неожиданно для обоих, что они не успели подготовиться. Встреча получилась натянутая, муж больше времени проводил с детьми, а к ней как-то и не очень подступался. Смотрел с некоторым замешательством, разговаривал неохотно. Вскоре после его отъезда Мадлен осталась одна – Реми погиб в боях под Верденом. Узнав печальную новость, она, конечно, заплакала, но больше из-за воспоминаний о той, как оказалось теперь, последней встрече. Корила, винила себя, не находя никаких оправданий своей сдержанности, почти холодности. Повод для оправданий, может, и был, да только Мадлен старалась об этом не думать, чтобы даже в мыслях не осквернить память о муже.

Двадцать пять лет и уже вдова! Толком не успев понять, что же такое брак. Они с Реми росли рядом, и когда родители решили их поженить, оба не очень удивились. Но и не обрадовались. Просто не поняли ничего. Просто в девятнадцать лет Мадлен стала мадам Дебьен. Через год родилась Жюли, еще через два, за несколько месяцев до начала войны, в семье появился сынок Себастьян – малыш Бастьен, как звали его домашние. Все бы ничего, но прикосновения, поцелуи, робкие, затем настойчивые попытки физического сближения бывшего друга по детским играм не вызывали ответного желания. Напротив, ей все чаще хотелось оттянуть

момент наступления ночи, уйти, сбежать, чтобы не оставаться с мужем наедине. Однажды, не выдержав, молодой супруг попытался поговорить, выяснить причину равнодушия жены, но Мадлен и сама не знала, как это объяснить. Успокаивала себя и его тем, что нужно время, что отношения изменятся к лучшему, надо просто подождать.

И вот – вдова. Все закончилось, едва начавшись. Вместе молодые супруги провели чуть больше трех лет из пяти. Ей надо было по всем правилам приличия одинокой женщины горевать, а она не понимала, о чем. Мадлен терзалась от мыслей, что не сумела полюбить человека, которого ей выбрали родители, осчастливить его короткую жизнь. Измучившись вконец, дала себе слово хранить верность умершему мужу, игнорируя малейшие намеки на флирт. В конце концов, у нее было о ком заботиться. Малыши подрастали, доставляя безмерную радость, а повседневные хлопоты помогали задвинуть прошлое и не особенно мечтать о будущем.

Вчера вечером, когда они рассматривали книжку с картинками, к ней постучался комендант базы, размещившейся на острове, капитан месье Франсуа де Берни. Это был француз средних лет, всегда корректный, галантный, с манерами истинного *noble*⁶⁶ и отменным, прямо-таки крестьянским аппетитом. За раз он всегда съедал не менее двух бриошей⁶⁷, запивая двумя большими чашками кофе, благодарил, обещая заглянуть вечером. Действительно заглядывал – заказывал бокал местного шардоне, отмечая тонкий вкус, рассыпался в комплиментах по поводу выпечки. Поначалу Мадлен показалось, что месье де Берни пытается ухаживать, но тот держал дистанцию. И она успокоилась. Отказавшись от угощения, комендант сразу перешел к делу:

– Завтра после полудня прибудет «Боярдвиль», группу русских везет. Еще одну. В этот раз из Ля-Рошель, не из Рошфора. Все как и ранее. Сначала ведем мыться, потом к вам. Чай, хлеб. Их не менее восьмидесяти будет, но, может, и больше. Вы, пожалуйста, с запасом приготовьте. Время, полагаю, еще есть. Группами подводить будем, человек по двадцать. Охрану не считаем. В общем, как всегда.

– Попробую... Правда, хлеба не хватает. Вы же знаете, распоряжение: уменьшить рацион. Чай могу, – улыбнулась она.

– Попробуйте. Обещаю один день не просить булочки. Или попросить одну, – тоже улыбнулся в ответ.

Капитан выглядел утомленным, и Мадлен не стала его задерживать, переспросив лишь, а мыться где будут? Тоже как в прошлый раз?

Она неслучайно, не из праздного любопытства спросила о том, куда поведут солдат на помывку. О том, как было в прошлый раз, ей рассказал Лоран, пятнадцатилетний сын соседки, мадам Матильды Бевьер. Он иногда подрабатывал в порту: помогал швартовать, принимал провизию, доставляемую на остров с материка, встречал пассажиров.

– Вид у них... Жалкий. Тяжело было смотреть, – признался Лоран. – Лица бледные, шинели грязные, рваные, головы обриты... Возмутились, когда им сказали идти в сторону бухты. Комендант попытался успокоить, пообещал табаку и чаю. Они что-то там кричали, я не понял. Потом выдали простыни, мыло и повели. Разделись догола и в воду. Сам видел!

– Догола? – ужаснулась Мадлен.

– Ну да... А потом уж к вам, к «Реми».

Капитан де Берни вопросу не удивился. Скрыть что-либо на острове было невозможно.

– Да, как в прошлый раз. Рядом, в де Ля Круа, – назвал майор ту самую ближайшую к порту бухточку. Летом Мадлен с детьми там часто купались, но сейчас-то вода уже прохладная. Конец сентября.

– А если дождь?

---

⁶⁶ Noble (фр.) – в значении «дворянин», «аристократ».

⁶⁷ Бриошь – от французского *brîoché*, булочка.

– Что ж... – неопределенно начал комендант. – Значит, под дождем будут.

«Как в прошлый раз», – повторила Мадлен слова коменданта. Ей и в прошлый раз хотелось задать главный вопрос: за что, за какое такое преступление необходимо было помещать русских в закрытый форт – там еще недавно находились пленные боши. Как же так? Отправить бывших союзников в тюрьму? Но Мадлен не отважилась. И, может, правильно сделала. Потому что, прощаясь вчера вечером, месье де Берни сухо добавил, обращаясь уже официально:

– Не забывайте, мадам, это бунтовщики. Д'Экс – остров, отсюда не убежишь. Здесь они притихнут.

А Мадлен понравились эти здоровенные симпатичные парни. «Разделись догола и в воду! Сам видел!» Она вдруг представила в деталях картину купания молодых мужчин, признавшись себе, что на месте Лорана тоже не отказалась бы подсмотреть. Разгорячив воображение столь недостойными, по ее мнению, мыслями, тихо выругалась: putain⁶⁸. Прижав ладони к лицу, присела на краешек стула, задержала дыхание и со стоном выдохнула.

– Мама, мама, Бастьен описался, – Жюли несла на тоненьких ручках братика. Мадлен, подхватив сонного ребенка, поцеловала его, потом Жюли. Дразнящие видения исчезли. «Боярдвиль» должен был прийти часа через три. Надо поторопиться и позвать помощников, вдвоем с Лораном не справиться.

* * *

Как странно... Ему показалось, что он уже был здесь и все это видел: мощную, протянувшуюся на сотни метров фортификационную стену, и песчаную полосу берега, и башни маяка, и редкие кроны деревьев. Он видел эти деревья. Как же они называются? Да, точно: приморские сосны. Не растут у них на Волге такие.

Вспомнил. Павел Жанович объяснял. Не просто объяснял, а еще и рисовал. Наполеоном восторгался. Начнет говорить – уже карандаш в руках. Да-да, Павел Жанович рассказывал что-то про последние дни императора, да только Митька из вежливости слушал. Подумаешь, герой! У них в России свои есть. А теперь вспомнил. Рисуночки такие маленькие, на них – короли, дворцы, замки, крепости. Острова. Вот оно откуда, видение-то. Эх, учитель ты мой дорогой. Бери карандаш, рисуй своего Митьку Орлова, рисуй! Война для него кончилась, как и для Наполеона.

Все.

Поданы швартовы, на причале началась обычная суета. Конвоиры встали по обеим сторонам трапа, прибывшие спускались молча, двигаясь в сторону фортификационной стены. Выстроились неровной шеренгой перед вышедшим навстречу комендантом базы, капитаном месье де Берни. Чуть поодаль за картиной прибытия наблюдали местные жители. Любопытствующих было совсем немного.

– Арре! – прозвучало знакомое уже слово, вызвавшее раздражение в рядах пленных.

– Опять! Да куды мы денемся?

– Хватит считать нас, как баранов!

– Веди давай куда надо. Мы свои права тоже знаем!

– А ну, Афанасий, скажи им! Пусть уже к месту ведут. Не сбежим.

Афанасий Филиппенко, неплохо говоривший по-французски, обратился к коменданту базы, сказав, что люди устали, что все в сборе, формальности излишни и только отнимают время.

– Мы понимаем, почему здесь. Просим относиться к нам с уважением.

---

⁶⁸ Putain (фр.) – проститутка, блудница.

При этих словах на бесстрастном выражении лица месье де Берни, слушавшего с преувеличенной вежливостью, едва ли не с почтительностью, показалось легкое недоумение. Похоже, он и впрямь удивился: требовать уважения? Прав? В их ситуации? Но комендант быстро овладел собой, сдержав ненужные эмоции. Безапелляционно, твердым голосом военного чиновника, заверил, что формальности необходимы, и регламент правил содержания военнопленных изменен не будет.

– Вас ознакомят с ним в форте Льедо, где вы будете содержаться. А сейчас вас сопроводят в бухту де Ля Круа, где вам будут выданы мыло и простыни. В соответствии с правилами личной гигиены перед прибытием в пункт содержания необходимо...

Капитан запнулся, подыскивая нужный оборот речи. Назвать принудительную помывку купанием он как-то не отважился.

– ...необходимо привести себя в порядок, – выкрутился он, добавив поспешно: – После чего вам выдадут хлеб и чай.

В шеренге прокатилось легкое оживление:

– Табачку бы еще!

– Да ведите, не томите уже.

Д'Экс всегда был любимчиком солнца в регионе Приморской Шаранты, и этот тяжелый день не стал исключением. Пленные направились в сторону берега, тихо переговариваясь, не очень еще представляя, что их ожидает, но уже радуясь короткой передышке и сентябрьскому солнцу. Название бухты Дмитрию показалось символическим: де Ля Круа – Крест Господень. Находить неожиданные совпадения научил Жорж Левро, полагавший, что случайностей не бывает, все связано. После двух стопок водки учитель порой ударялся в мистику, искал в своем древнем, «королевском», роду русские корни, утверждая, что «именно поэтому он здесь». А матушка просто верила в приметы.

Ведь хотел же перед отплытием из Ля-Рошель помолиться, божьей милости попросить, а не вышло. И – на тебе! Вот куда Господь привел! Напомнил, что праздник великий близится: Воздвижения креста Господня⁶⁹. Нет, неслучайно, неслучайно. Теперь уж не пропустит.

– Пустыня, ты молитву про крест Господень помнишь?

– Помню, как не помнить.

– Место так называется. Бухта, куда идем.

Пустыня присвистнул, пожившись. Парнем-то он был смелым, а воды побаивался, плавать не любил.

– Слышь, ты, Орел, ты это, рядом будь, ладно? – попросил Иван. – Это ж ты на Волге рос.

– Так а ты на Пахре!

– Пахра, Волга – это тебе не океан.

– Не дрейфь! Волной смыть не успеет. Да и спокойно сегодня, смотри!

Картина, открывшаяся перед ними, была великолепна. Широкая полоса песчаного берега, закругленного в форме подковы, зелень прибрежных кустов тамариска, простор океана, вдали которого просматривался знакомый уже форт Боярд. И солнце!

– Ух ты! Красота! Бабье лето! Теплынь...

– С бабами-то теплее было бы!

На какие-то доли секунды все они, бывшие солдаты бывшей императорской армии бывшей России, превратились в обычных пацанов. Настоящих, наивных и беззаботных. Безмятежное детство вернулось, подарив каждому видение из прошлой жизни. Сушеная земляника... Огонь в печи, и матушка со сковородой: «Ванька, держи блин!» Волга в закатных лучах солнца... Запах свежего сена... Утро, и хриплый, с рыданиями, голос отца: «Ма-ать...

---

⁶⁹ Воздвижение креста Господня – Воздвижение Честного и Животворящего Креста Господня, религиозный праздник, празднуется русской православной церковью 27 сентября по новому стилю (14-го – по старому).

проснись... Проснись... Зорька-то наша сдохла... А теленочек-то живехонек...» Тепло полает зимой, рука матери: «Дай-ка понежу тебя, родимый!»

– Ну что, ребятушки? Айда! Вот вам и банька! Прямо как дома, без одежды! Веников только нет! А одежду-то? Скидаем! – весело крикнул Петр Креченко по прозвищу Креч.

Пленные, переглянувшись, перекрестились и начали раздеваться донага, оставляя одежду на песке, прибрежной траве. Самые быстрые с шумом и криком уже побежали в воду, как услышали за спиной приказ капрала:

– Halte! Стоять! Новикофф! Бельякофф! Дрига! Стоять!

– Что? Перекличка? Опять аппель?

– Вы забыли это! – капрал, настроенный вполне дружелюбно, помахал куском мыла.

– А... Ну так бы и сказал... – прикрыв причинное место руками, Креч подошел к капралу, взяв мыло.

«Животворящий крест Господень, огради мя, Господи, силою честнаго и животворящаго твоего креста, и сохрани мя от всякаго зла», – шептал Дмитрий. Тело покрылось мурашками, и, чтобы быстрее прекратить эту пытку, он, перекрестившись, нырнул в холодную воду.

«Сохрани мя... сохрани мя от всякаго зла... зла... зла...», – ритмичными резкими саженками поплыл от берега. Потом, опомнившись, развернулся. Ему показалось или вправду послышался голос матери:

– Митька-а-а-!

– Колька-а-а-!

Дмитрий зажмурил глаза, сделал глубокий вдох и, проплыв под водой несколько метров, вынырнул почти у берега.

* * *

Апрель 2018 года. Солнечный остров д'Экс: всего-то три километра длиной, шириной и того меньше, за пару часов обойти можно. Тишина, прерываемая криком чаек. Девственно чистый песчаный пляж. Вдали, на горизонте, – загадочные, выступающие из океана, крепости. Загораживающая красота Атлантики и нахлынувшее вдруг неведомо откуда чувство томящей грусти. Может, правда, есть что-то мистическое в этом мире, и существуют места, где живут фантомы? Налетают иногда, проплывая, словно видения. Смеются, плачут, злятся, пугают. Напоминают. Гоню их прочь, отмахиваюсь, отворачиваюсь, прячусь в кустах тамариска и... все равно вижу: рослые молодые мужчины сбрасывают себя одежду. Полностью. Лезут в воду, ежась от холода, потирают плечи, наклоняются. Вижу лица: не хмурые, веселые. Передают друг другу мыло, шутят. У них нереально белая кожа, которую так хочется потрогать, погладить. Почти у всех на груди маленькие крестики. Они выходят из воды, смотрят в мою сторону и, догадавшись, что за ними подглядывают, лукаво улыбаются, прикрывая руками низ живота. Вытираются, потом тщательно трясут одежду, начинают одеваться. Лица тускнеют, расплываются. Ничего не видно. Исчезли. Ушли и следов на песке не оставили. Пропало видение. Только сверлит неверующий мозг опять же неведомо откуда взявшаяся мольба: „Животворящий крест Господень, огради мя, Господи, силою честнаго и животворящаго твоего креста, и сохрани мя от всякаго зла».

* * *

– Идут! – вездесущий Лоран влетел в зал ресторана, где за барной стойкой Мадлен ставляла стаканы. Месье де Берни предупредил, что русские пьют чай из больших стаканов и кружек. Она все успела: испекла бриоши, забежала в булочную к мадам и месье Дельбар за свежими багетами, запас табака проверила – было достаточно.

– Что? Опять подглядывал, – смеясь, спросила Лорана. – Как они?

– Не знаю. Охраны много в этот раз. Так что не ходил. Думаю, не замерзли.

– Ладно, ты уж помоги немного. А дяде Арно, если увидишь, скажи, что сами управимся, только не говори, что я просила, ладно? Т-сс! – добавила, поднеся два скрещенных пальца к губам.

– Да ладно, ладно, знаю, что ты его терпеть не можешь.

– Т-сс! Я тебе ничего не говорила.

– Ты вдова, Мадлен, и он вдовец. Мама так и сказала, что вы – хорошая пара. Где ты себе еще найдешь? У тебя двое детей. Я бы и сам на тебе женился, да рановато еще!

– Замолчи, Лоран! И маме ничего не говори. А то я тоже что-нибудь расскажу. Думаешь, ей понравится, что ты за солдатами голыми подглядывал?

– Да что тут такого? Я ей тоже рассказал! Ей тоже жалко стало. А дядя Арно сказал, что нечего их жалеть. Наши воюют, а русские бунтуют. Пусть у себя в России бунтуют.

– Помолчал бы твой дядя Арно! Ни одного дня на фронте не был, а все знает. Но мы-то не знаем ничего! Русские с французами вместе были, а потом что-то у них там случилось. И вообще...

Голос Мадлен дрогнул. Опять она подумала про бедного Реми, про то, что не успела его полюбить, про то, что ночью ей тоскливо спать одной, что тяжело вести хозяйство, а самодовольный вдовец Арно Бевьер ей никак не нравился. Хотя, казалось бы, подходил идеально: жена умерла еще до войны, своих детей не было. Зрелый мужчина, лет на пятнадцать старше Мадлен. Коренастенький, плотненький, с едва заметным брюшком, правда, чуть прихрамывающий на правую ногу, немного ворчливый, но в целом вполне подходящий вариант для молодой вдовы. Чего ей еще надо? Может, и прав Лоран? Правда, сам-то он родного дядю недолюбливал, да и тот тоже племянника не жаловал. Мадлен об этом знала. Впрочем, ей-то какая разница? Для себя она точно решила, что уж во второй раз не поддастся на уговоры родственников и соседей.

– Идут! Смотри, сколько женихов! – Лоран, подмигнув Мадлен, поспешил к дверям, у которых тотчас же встали темнокожие охранники, вызванные из форта Льедо.

Может, после купания, а может, радуясь горячему чаю и свежему хлебу, солдаты выглядели вполне довольными. Небольшое помещение ресторанчика не могло вместить всех, некоторые вышли на улицу, столпившись у входа. Если бы не охрана, картина могла бы показаться вполне мирной. Лоран, как заправский официант, бегал, подавал, убирал, улыбался. Кто-то уже хлопал его по плечу, посылал за добавкой. Мадлен, приготовив все заранее, наблюдала за происходящим из кухни. Как и в прошлый раз, она не могла взять в толк, чем уж так провинились эти симпатичные дружелюбные парни, какую опасность в себе несли, за что же такое спрятать их решили в заброшенной крепости Атлантики?

– Ну что? Присмотрела мужа? – хитро спросил Лоран, ввалившись с горой пустых тарелок.

– Лоран! Замолчи! Жюли и Бастьен здесь! – зашипела Мадлен, указывая на детей, мирно играющих в уголке кухни.

– Ладно, ладно, – миролюбиво заключил Лоран. – Пошутил я. Хлеб остался? Неси! Варенье давай и сахар.

Мадлен, поставив на поднос небольшие формочки с вареньем, разложив остатки хлеба, вышла в зал:

– S'il vous plaît! Пожалуйста! – добавила по-русски единственное слово, которое знала.

Солдаты потянулись к подносу:

– Мерси, мадам!

В глубине зала она заметила месье де Берни, беседующего с Арно. Как этот хромоу черт там оказался? Что ему здесь надо? Просила же Лорана предупредить, так нет – пришел полю-

бопытствовать! Арно приветственно махнул ей рукой, Мадлен через силу улыбнулась, еще раз подумав, что никогда и ни за что не даст прикоснуться к себе соседу, набивающемуся в женишки. Месье де Берни, корректный, как всегда одарил снисходительным взглядом, означавшим, что все идет по плану, «месье бриошь» доволен.

Мадам Дебьен ни с того ни с сего разозлилась. Ей вдруг захотелось запустить в обоих пустым подносом, который все еще держала в руках. Совладав с собой, присела в легком поклоне: «Терплю вас, но на большее не надейтесь». Исполнив долг гостеприимной хозяйки, развернулась, намереваясь уйти.

– А Реми – ваш муж? Это он? Там, с комендантом?

Мадлен, не успев скрыть раздражение, в недоумении остановилась. Вопрос на французском задал солдат, которого она еще ранее заприметила, выглядывая из кухни. Ей показалось удивительным, даже забавным, что он проявил интерес к литографиям с изображением Наполеона. В свое время именно Мадлен настояла на том, чтобы украсить ими стены заведения. Супруг не соглашался, говоря, что ресторан – недостойное место для великого императора, даже если тому и пришлось провести на д'Экс последние дни перед изгнанием⁷⁰. «Как ты не понимаешь, он здесь признал свое поражение! Сдался! Англичанам! Понимаешь: сдался! Поверил и сдался!», – негодовал Реми. Мадлен его уговорила, но картину, на которой был запечатлен «Нортумберленд» – тот самый корабль, доставивший Наполеона на остров Святой Елены, – повесила недавно, уже после смерти мужа. Перед ней и задержался русский. Отвечая на вопрос, она хотела было сказать, что Реми погиб под Верденом, что месье Арно, разговаривающий с комендантом, вовсе не ее муж и таковым никогда не будет, что название ресторана останется прежним, но вместо неожиданно этого спросила:

– Вода была холодная? Там, в де ля Круа? Замерзли? Вам налить еще чаю? – поспешно добавила, не дожидаясь ответа.

– Да я уже две кружки выпил! С запасом! – он широко улыбнулся. – А вода почти теплая! Бывает и холоднее. Только плыть некуда. Да и охраняют строго. А почему вы спросили? Видели нас там? – спросил весело, в упор глядя на мадам Дебьен.

– Конечно, нет! Но... – замешкалась, понимая, что сказала лишнее. «Но не отказалась бы», – мысленно закончила фразу, так же весело стрельнув глазами. – Вам нравится Наполеон?

– Мне нравится корабль. Может, и за нами когда-нибудь... пришлют... – он рассеянно посмотрел куда-то в сторону.

– Внимание! Приготовиться к выходу! – прозвучала команда. Пленные быстро допивали чай, заталкивали остатки хлеба в карманы. В этот момент в зал с плачем вбежала Жюли:

– Мама, мама, смотри, Бастьен сломал, – показала она матери крошечную фигурку принцессы из любимой игры «Замок-крепость». – У нее нет ручки! Ей больно! Больно!

Очевидно Бастьен, переодевая куклу, переусердствовал. Жюли заливалась слезами, прижимаясь к ногам матери. Все тот же солдат присел на корточки перед малышкой, попросил куклу и, что-то приговаривая по-русски, аккуратно ввинтил руку. Потом, пошарив в карманах, достал бинт, оторвал кусочек, осторожно перевязал игрушку.

– Готово! Танцевать нельзя! – сказал с деланной строгостью, перейдя на французский.

– Спасибо, – девочка прильнула к гостю, обняв его. – Ты хороший. Не ходи в тюрьму. Там холодно. Там крысы.

– Ничего. Я люблю холод. А крысу убью. Меня зовут Дмитрий. А тебя?

– Жюли. А это мой брат, Бастьен, – показала она на заплаканного братишку, стоявшего рядом. – А маму зовут Мадлен. А нашего папу убили боши.

---

⁷⁰ Наполеон провел на острове д'Экс последние дни с 8 по 15 июля 1815 года. 15 июля император был доставлен на борт линейного корабля «Беллерофон», надеясь на лояльность своих врагов англичан и получение убежища в Великобритании. Однако уже 8 августа Наполеон вместе с выбранными им офицерами для сопровождения будет переведен на корабль «Нортумберленд», который и доставит его на остров Святой Елены.

– Орлофф! – крикнул капрал. – Уходить! Уходить!

– Мерси, мадам, – поблагодарил Дмитрий, обратившись к Мадлен. – Мы уходим, Жюли, береги куклу.

Уже у самой двери обернулся. Невысокая, худенькая. Пожалуй, даже чересчур. На ней была коричневая юбка до щиколоток. Туфли на толстых каблучках, черные чулки. Светлая, с неглубоким вырезом блузка оттеняла матовую кожу. Темные волосы затянуты тугим пучком. Она по-прежнему сжимала поднос, несколько растерянно глядя на столпившихся у двери солдат.

«...Павел Жанович, а кто это – Венера Арльская? Она красивая?»

– Мадлен, флиртуешь с русскими? Французов тебе мало? – насмешливо спросил тот, кого он принял за мужа мадам.

Это было последнее, что услышал Дмитрий, покидая ресторан «У Реми».

– Дорогой Арно, если вы еще раз позволите себе подобные намеки в отношении меня, я пожалуюсь господину коменданту, рассказав, что вы вынуждаете меня выступать на стороне бунтовщиков.

Но этого Дмитрий Орлов уже не слышал. Колонна медленно двигалась вдоль берега в сторону форта Льедо.

Менее чем через час они остановились перед низкими воротами. Крепость была не похожа на виденные ими форты Боярд и Энет, действительно больше напоминая тюрьму, чем оборонительное сооружение.

– Пришли! Входим по одному! – скомандовал сопровождающий.

– Крысиная нора, – прошептал Пустыня. – Если и бежать, то только под землю.

Дмитрий успел перекреститься: «Животворящий крест Господень, огради мя, Господи, силою честнаго и животворящаго твоего креста, и сохрани мя от всякаго зла».

* * *

Ворота закрылись. Занавес. Антракт: сто лет. Зрители вышли, забыв про артистов. А теперь, находя и читая послания из прошлого, недоумевают, слыша упреки: *«Эх, вы, братцы, обмелчали вы, обмелчали... Вы пошто нас забыли?»*

«Остров д'Экс. Форт Льедо»

Глава 3. Месть Франсуа Льедо

**2018 год. Франция, Венсен, пригород Парижа.
Château de Vincennes. Военный архив⁷¹**

Здесь хранятся архивные документы. Трудно, невозможно передать, а тем более описать чувства, которые испытываешь, поднимая тяжеленную картонную коробку с надписью: «1917–1918 годы». Кто-то когда-то строчил послания, распоряжения, донесения, доносы, жалобы, отчеты, приказы, правила, наделяя обычный листок бумаги силой, властью и бессмертием. Сколько их тут, пронумерованных, подшитых только лишь в одну (!) папку, документов с пометками «конфиденциально», «секретно», «срочно», «важно»? Не менее тысячи, а то и больше, гораздо больше. Даже чтобы просто пролистать, потребуется несколько часов. Прочитать – недели и месяцы. Подписи авторов документов, упоминания имен завораживают: маршал Фош, Керенский, Николай Романов. Не говоря уже о военных министрах, генералах и военачальниках, как русских, так и французских. Здесь все важно, все отражает события двух лет – и каких двух лет! Выбрать нечто особенное представлялось невозможным.

Но это произошло. Пожелтевший, истрепавшийся по краям листок бумаги выпал из толстенной папки. Просто упал, робко так, скромненько, нечаянно. Просто потому, что именно это письмо – редкий шанс! – было не подшито! Ему сто лет. Сто. Сто раз хочется повторить: сто. Написано достаточно грамотно, с ятями, почерк – почти каллиграфический. Запятых, правда, маловато, но в ту беспокойную эпоху, видимо, ими не особенно увлекались, выбирая чаще тире. Будто что-то пояснить пытались. Послание дошло до адресата, что подтверждает печать получателя, а если так, что же стало с авторами?

Исторические раскопки – увлекательнейшее занятие. Итог – вот это самое письмо, соединение реальности и ирреальности. Его можно потрогать, погладить, понюхать. И даже украсть. Да, каюсь, возник соблазн «случайно забыть» листок в своей сумке. Почти решилась, как вдруг – мистическое совпадение – неоновые лампы в читальном зале потускнели, свет притух. Падение напряжения? Бывает такое, только почему в этот самый момент? Возможно, реальность предупредила: не смей! Не порти волшебную магию ирреальности, которую, не видя и не зная, а лишь подразумевая, можно вообразить. Представить. И поверить.

Из военного архива Château de Vincennes

«Русские солдаты, находящиеся на острове Иль Дэкс⁷².
Прощение.

Мы, нижеподписавшиеся, русские солдаты, все бежавшие из Германского, Австрийского и Болгарского плена, находимся на острове Иль Дэкс вот уже шесть и больше месяцев. За что, мы точно и сами не знаем. Обвинений нам никаких не предъявлено, а также нам не объявлено о сроках нахождения здесь. Находимся здесь в самом плохом положении. Помещены в

---

⁷¹ Château de Vincennes. Военный архив. – Венсенский замок. Здесь находится архив Министерства обороны: Le Service historique de la Défense (SHD). Создан во исполнение декрета 2005-36 от 17 января 2005 года. Крупнейший архив во Франции, обладает также одной из самых редких библиотек, хранящей более миллиона книг, начиная с XV века.

⁷² Военный архив Château de Vincennes – Le service historique de la Défense (SHD). Прощение русских солдат, находящихся на острове д'Экс (на русск. яз). Отправлено командующему русской базой 18 октября 1918 года. Получено 04 ноября 1918 года под номером 1207. Сохранены орфография, пунктуация оригинала документа.

форту⁷³ в комнаты по 15, 20 и больше человек. Помещение сырое, атмосфера вообще тяжелая, как в комнатах, так и в форту. С форта нас никуда не выпускают. Пища выдается плохая. Табаку, мыла, освещения не выдается. Отсутствуют всякие санитарные и гигиенические условия. Для того чтобы хотя бы постирать белье, не говорим уже о бане, которой совсем не существует, трудно добыть мыла. Средств на покупку нет, жалованья (...), которое вот уже 5 или 6 месяцев не получаем. Жизнь наша в таком положении бесспорно способствует (...) свирепствованию здесь всяких эпидемических болезней. Как, например, здесь свирепствует грипп, и этой болезнью почти все переболевают, а человек 12 уже умерло.

В будущем мы также не гарантированы от подобных заболеваний, и вообще находясь в таком положении, мы обречены на потерю окончательно своего здоровья. Мы все и без того люди (которые – Л. Д.) много вынесли на себе – тяжести войны, вынесли фронт, были многие ранены, перетерпели два года и больше плена – потеряв много здоровья, и надеясь еще, в таком положении как сейчас совсем долго, пропадут.

Покорнейше просим Вас, Господин начальник Базы⁷⁴ – войдите в наше положение и примите надлежащие меры – вывести нас из такого положения. Надеемся на Ваше милостивое к нам отношение, избавьте нас от этого тяжелого положения, не дайте нам здесь безвинно терять свои последние силы и даже жизнь. Отправьте нас в крайнем случае на работы. Кто из нас еще не потерял окончательно силы, с удовольствием поработаем на благо населения Франции. От работы мы не отказывались и не отказываемся. Быть может нас и считают отказавшимися от работы, и за это держат здесь – то это не так. Если и были случаи с нами отказа от работы – то это случаи единичные только с хозяевами, у которых находились на работе некоторые – за плохое их отношение и т. п. Инциденты, с которыми в большинстве случаев не разбирались, кто прав и кто виноват. Фактически же мы от работы во Франции не отказывались и не отказываемся. Мы неоднократно подавали письменно через коменданта здесь свои просьбы, но результата никакого на наши просьбы не было.

⁷³ Речь идет о форте Льедо. Fort Liédot (крепость Льедо) – фортификационное сооружение на северо-востоке острова д'Экс.

⁷⁴ База: имеется в виду русская база Лаваль. Создана в городе Лаваль 24 декабря 1917 года (упразднена в 1920 году) решением французского правительства (премьер-министр и военный министр Жорж Клемансо) для реорганизации русских войск во Франции, в том числе для координации рабочих рот. Всего тридцать одна рота, по пятьсот человек в каждой, в одиннадцати различных регионах Франции. Бывшие солдаты Русского экспедиционного корпуса были задействованы на строительстве дорог, резке древесины, прочих тяжелых работах. Им категорически запрещалось создавать солдатские комитеты, посещать публичные места: кафе, рестораны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.